

Русское Общество Изученія Еврейской Жизни.

Гр. И. И. Толетой.

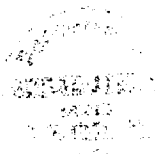
Антисемитизмъ въ Россіи

и другія статьи по еврейскому вопросу.

Предисловіе Н. Н. Арсеньева.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Типография Л. Я. Ганзбурга, Митинская ул., д. № 11.

54088-45

2007083671

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое сочиненіе написано и напечатано до переворота, радикально измѣнившаго государственный и общественный строй Россіи. Главной цѣлью покойнаго автора было раскрытіе всей несправедливости, всей неразумности ограниченій, опутавшихъ густою сѣтью правовую жизнь русскихъ евреевъ. Теперь эти ограниченія отошли въ невозвратное прошлое. Можетъ возникнуть вопросъ, не потеряла ли, затѣмъ, свою цѣнность книга, посвященная борьбѣ съ антисемитизмомъ въ Россіи? Я думаю, что не потеряла—прежде всего потому, что она вноситъ массу свѣта въ исторію еврейскаго вопроса, такъ тѣсно связанную съ исторіей павшаго режима. Нужно знать и помнить, что перенесла многострадальная нація—и къ какимъ результатамъ привели ея страданія. Характерная страница прошлаго богата полезными указаніями для будущаго.

Этимъ не исчерпывается значеніе книги гр. Толстого. Антисемитизмъ возможенъ и тамъ, гдѣ евреи уравниены въ правахъ съ другими гражданами; онъ возможенъ даже тамъ, гдѣ для нихъ не только юридически, но и фактически открыты всѣ дороги, ведущія къ вліянію и власти. Въ Германіи и Австріи образовались на конституціонной почвѣ цѣлыя политическія партіи, прямо водрузившія знамя антисемитизма; во Франціи, всего раньше осуществившей равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ и уже въ первой половинѣ XIX-го вѣка знавшей евреевъ-депутатовъ, евреевъ-министровъ, возникло въ восьмидесятыхъ годахъ антисемитическое движеніе, однимъ изъ гнилыхъ плодовъ котораго явилось извѣстное дѣло Дрейфуса. Вездѣ и всегда антисемитизмъ становился союзникомъ реакціонныхъ теченій—и вмѣстѣ съ тѣмъ орудіемъ демагогіи самаго низкаго сорта. Такимъ онъ былъ и у насъ—и такимъ можетъ остаться при условіяхъ, теперь наступившихъ для Россіи. Опаснымъ онъ можетъ стать не только для евреевъ, но и для обновленнаго государства, для обновленнаго общества.

Въ значительной мѣрѣ воспитанный анти-еврейскою политикою правительства, русскій антисемитизмъ нашелъ пищу въ предубѣжденіяхъ, распространенныхъ среди народа. Между обоими его источниками существовало постоянное взаимодѣйствіе: обращаясь съ евреями, какъ съ элементомъ вреднымъ для населенія, правительство разжигало недовѣріе и нерасположеніе къ нимъ среди народныхъ массъ,—а обостреніе этихъ чувствъ, наиболѣе яркимъ выраженіемъ которыхъ служили еврейскіе погромы, служило для власти какъ бы оправданіемъ новыхъ мѣръ, направленныхъ противъ евреевъ. Настроеніе, создававшееся такимъ путемъ, не можетъ исчезнуть сразу; не можетъ сразу исчезнуть и горькій осадокъ, вѣковыми преслѣдованіями оставленный въ сердцахъ евреевъ. Съ обѣихъ сторонъ необходима работа, стирающая слѣды вѣковой неправды. И вотъ, этой примирительной работѣ можетъ способствовать книга гр. И. И. Толстого. Она разрушаетъ софизмы, съ помощью которыхъ антисемиты стараются выставить себя защитниками бѣднѣйшихъ классовъ населенія; она раскрываетъ несостоятельность тенденціозныхъ толкованій Талмуда, пытающихся создать якобы научную основу для отрицательнаго отношенія къ евреямъ; она подчеркиваетъ факты, доказывающіе возможность повсемѣстнаго мирнаго сожительства русскихъ и евреевъ; она намѣчаетъ и освѣщаетъ путь естественнаго сближенія, которымъ должно быть замѣнено искусственное разобщеніе. Стѣна, возведенная вокругъ евреевъ законодательными постановленіями и укрѣпленная административной практикой, больше не существуетъ; ничто не мѣшаетъ свободному, братскому общенію ихъ съ другими народностями Россіи. Пускай только будутъ забыты съ одной стороны—былыя обиды, съ другой—былыя предрасудки.

К. Арсеньевъ.

О Т Ъ А В Т О Р А .

За время моей государственной службы, а особенно за шестнадцать лѣтъ пребыванія въ Императорской Академіи Художествъ въ качествѣ конференцъ-секретаря и вице-президента, а затѣмъ и въ должности министра народнаго просвѣщенія, несмотря на кратковременность полугодоваго исправленія ея, вопросы, связанные съ ограниченіями гражданскихъ правъ евреевъ, не только почти ежедневно напоминали о себѣ, но постоянно вызывали во мнѣ чувства неловкости и даже стыда, когда приходилось на просьбы и требованія молодыхъ іудеевъ, основанныя на понятіи о справедливости, отвѣчать указаніями на законъ, нелогичность и несправедливость котораго не могли мною не сознаться. Почти каждый администраторъ въ Россіи, начиная отъ высшихъ ступеней чиновной іерархіи и кончая низшими, принужденъ имѣть дѣло съ „еврейскимъ вопросомъ“, иначе говоря, съ законодательствомъ, касающимся евреевъ, и съ жертвами его, а иные представители государственной власти положительно завалены этого рода дѣлами.

Изъ такихъ дѣлъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться, нѣкоторыя были, конечно, пустяжными, другія, напротивъ, существенно важными для заинтересованныхъ въ ихъ разрѣшеніи лицъ, но всѣ они имѣли два общихъ признака: во-первыхъ, при „исполненіи“ по нимъ необходимо было считаться съ юридическими нормами, которыя не только часто противорѣчили обычнымъ понятіямъ о правѣ и справедливости, но самый смыслъ которыхъ былъ иногда крайне неясенъ или запутанъ, а во-вторыхъ, при разрѣшеніи подобныхъ „еврейскихъ“ дѣлъ открывалась почти всегда явная возможность для лица, обязаннаго примѣнить тотъ или другой законъ, то или другое правило, при нѣкоторомъ съ его стороны желаніи, проявить произволь въ вопросахъ, отъ рѣшенія которыхъ въ томъ или иномъ смыслѣ зависѣла вся дальнѣйшая судьба просителя.

Примѣровъ здѣсь я не хочу приводить, но, можетъ быть, когда-нибудь стоило-бы опубликовать цѣлый рядъ случаевъ изъ моей служебной практики, траги-комическаго свойства для постороннихъ наблюдателей, не принимающихъ близко къ сердцу людскихъ страданій, особенно когда дѣло касается „ненавистнаго“ племени, и весьма трагическихъ для объектовъ своеобразнаго права, заключающагося въ рядѣ законоположеній о евреяхъ, дополненныхъ и разъясненныхъ цѣлымъ ворохомъ правилъ, циркуляровъ и сенатскихъ рѣшеній. Но надъ всѣми почти случаями разстилается одна общая паутина—паутина „протекціи“: то другіе оказывали протекцію отдѣльнымъ евреямъ передо мною, то мнѣ, когда это казалось „по человѣчеству“ обязательнымъ, приходилось оказывать протекцію передъ другими, ибо безъ протекціи, вслѣдствіе многообразія правилъ, всевозможныхъ оговорокъ и придиорокъ въ законахъ, еврей рискуетъ всегда лишиться доброй половины своихъ гражданскихъ правъ или, въ лучшемъ случаѣ, быть остановленнымъ въ своемъ законномъ и весьма понятномъ стремленіи къ приобрѣтенію таковыхъ.

И вотъ почему, каждый разъ, когда мнѣ приходилось имѣть, по должности, дѣло съ евреемъ, во мнѣ возникали два чувства—стыда и жалости: стыда за сознаваемую мною несправедливость русскаго закона, за не въ мѣру рьяныхъ исполнителей его, но также и за нарушителей его, когда слишкомъ ясно просвѣчивали корыстные мотивы нарушенія закона; жалости—къ потерпѣвшимъ отъ его примѣненія, къ несущимъ его неудобоподъемлемое бремя и къ тѣмъ, которые для того, чтобы избѣгнуть жестокости его примѣненія, рѣшались на всяческія униженія...

Несправедливость нашего законодательства о евреяхъ, его абсолютная непрактичность въ дѣлѣ достиженія намѣченныхъ имъ конечныхъ цѣлей, тотъ фактъ, что имъ, напротивъ того, достигались зловреднѣйшіе результаты нетолько по отношенію къ самимъ евреямъ, но и ко всей странѣ, къ Россіи,—все это становилось съ каждымъ днемъ для меня яснѣе, и у меня сложилось твердое убѣжденіе въ томъ, что пока антисемитское направленіе нашего законодательства не будетъ признано всѣми, кому о томъ вѣдать надлежитъ, несоотвѣтствующимъ государственнымъ и общественнымъ интересамъ, и пока не будетъ даровано евреямъ общегражданскихъ правъ, до тѣхъ поръ не наступитъ въ Россіи миру и спокойствію, не добьются намъ неподкупности низшихъ чиновъ

администраціи и не справиться намъ удовлетворительнымъ образомъ съ назрѣвшими вопросами коренныхъ реформъ въ нашемъ великомъ Отецествѣ... Я, впрочемъ, никогда и ни отъ кого не скрывалъ этого своего убѣжденія.

Въ концѣ августа нынѣшняго года я напечаталъ статью въ газетѣ „Слово“, въ которой, говоря о настроеніи нашей русской школы вообще, между прочимъ коснулся дурного на нее вліянія процентной нормы, установленной для евреевъ при поступленіи въ школу. Эта статья возбудила, хотя и кратковременное, но все же довольно сильное негодованіе въ нашей антисемитской прессѣ, уснащенное обычными въ повременной печати насмѣшками и выраженіями презрѣнія по моему адресу. Во главѣ этой газетной... непогоды (бурей, по краткости и незначительности, ея назвать я не могу) было, конечно, „Новое Время“, которое не только отнеслось очень пренебрежительно къ моимъ мнѣніямъ, но, выдернувъ, посредствомъ безцеремонной передержки, изъ моей статьи произвольно то мѣсто, гдѣ я говорю о евреяхъ въ школахъ, такъ сказать, подцѣпило эту благодарную для него тему; по поводу моей статьи газета подняла, хотя и краткую, но весьма энергичную травлю противъ евреевъ вообще, указавъ на меня, какъ на ихъ непрошеннаго защитника, и объяснивъ мое „выступленіе“ въ пользу евреевъ, какъ предвыборный съ моей стороны маневръ, такъ какъ статья моя совпала съ выставленіемъ мною своей кандидатуры въ члены Государственной Думы отъ Петербурга.

Отношеніе ко мнѣ „Новаго Времени“, само по себѣ, меня не удивило и мало тронуло, хотя послѣдняя инсинуація мнѣ показалась довольно коварнаго свойства, разчитанною на то, чтобы дискредитировать мое мнѣніе указаніемъ на его утилитарную подкладку; вслѣдъ затѣмъ я сталъ получать анонимныя письма, характеризующія нравственный уровень нѣкоторыхъ господъ, воспитанныхъ на чтеніи этой весьма распространенной газеты; наконецъ, пришлось мнѣ имѣть и личныя объясненія съ рядомъ лицъ изъ довольно обширнаго круга моего знакомства, оспаривавшихъ энергично мои доводы въ пользу дарованія правъ евреямъ. Какъ письма, такъ и разговоры побудили меня заняться еще внимательнѣе вопросомъ о положеніи евреевъ въ Россіи, выяснить дѣло еще опредѣленнѣе, прежде всего, для самого себя, и я рѣшился обратиться къ литературѣ вопроса, чтобы провѣрить правильность своего отношенія къ нему.

Сначала у меня было намѣреніе опубликовать одну или двѣ газетныхъ статьи, для того, чтобы этимъ способомъ опредѣленно отвѣтить лицамъ, интересовавшимся по тѣмъ или инымъ причинамъ моимъ мнѣніемъ по „еврейскому вопросу“, но статья моя какъ-то сама собою разрослась и значительно превзошла своими размѣрами первоначальныя мои предположенія.

Съ другой стороны, какъ ни нелѣпо было въ моихъ глазахъ утвержденіе „Новаго Времени“, что я пользуюсь возбужденіемъ еврейскаго вопроса, хотя-бы и въ незначительной части его, для предвыборныхъ цѣлей (оно нелѣпо какъ въ виду малочисленности евреевъ-избирателей въ Петербургѣ и ихъ принадлежности къ разнымъ, отчасти враждебнымъ другъ къ другу фракціямъ, такъ и сильнаго развитія въ столицѣ антисемитизма вообще), но мнѣ не хотѣлось подавать новаго повода для этого утвержденія, такъ какъ считаю разрѣшеніе еврейскаго вопроса слишкомъ важнымъ для Россіи, а потому, хорошо ли, дурно ли, я справился со своею задачею, считаю необходимымъ избѣгнуть всякаго подозрѣнія въ неискренности, которое такъ легко возбудить намеками на посторонніе дѣлу мотивы моего „выступленія“, выражаясь современнымъ газетнымъ языкомъ.

По этимъ причинамъ я рѣшилъ напечатать свое мнѣніе по еврейскому вопросу отдѣльнымъ изданіемъ и выпустить книгу только тогда, когда вопросъ объ избранникахъ въ Государственную Думу будетъ уже рѣшенъ, и буду ли я, не буду ли избранъ въ члены ея отъ столицы, — мое писаніе, какъ агитаціонное средство, значенія имѣть не будетъ, но зато, при возможномъ обсужденіи вопроса въ Думѣ, оно можетъ повліять на возрѣнія того или другого представителя народныхъ интересовъ и нуждъ, побудить того или иного депутата вникнуть въ вопросъ, разрѣшеніе котораго, мнѣ кажется, является одною изъ насущнѣйшихъ потребностей нашего времени. Мнѣ кажется, что отказаться отъ разсмотрѣнія еврейскаго вопроса Государственной Думѣ просто невозможно, безъ риска уподобиться тому легендарному страусу, который, чтобы избѣгнуть опасности, зарываетъ свою голову въ песокъ...

Послѣ этихъ необходимыхъ, какъ мнѣ кажется, поясненій относительно возникновенія этой книги, я рѣшаюсь обратиться къ читателю ея, кто-бы онъ ни былъ, съ просьбою, которую постараюсь изложить, насколько смогу, ясно.

Едва-ли найдется такой образованный человекъ въ Россіи, который считалъ-бы „еврейскій“ вопросъ маловажнымъ или нестоящимъ вниманія, но всѣхъ разсуждающихъ о немъ или просто думавшихъ о способахъ его разрѣшенія, можно раздѣлить на три категоріи: 1) друзей еврейства, которыхъ, кромѣ самихъ евреевъ, мало, 2) людей безпристрастныхъ, которыхъ, я думаю или, по крайней мѣрѣ, надѣюсь, больше, чѣмъ многіе подозрѣваютъ, и 3) враговъ еврейства, которыхъ несомнѣнно, къ сожалѣнію, много. Говорю, „къ сожалѣнію“ потому, что вражда всегда дурной совѣтникъ при разрѣшеніи какого-либо вопроса, также какъ и при сужденіи о немъ. Враги еврейства состоятъ не изъ однихъ убѣжденныхъ и воинствующихъ антисемитовъ, но также изъ людей, хотя и считающихъ самихъ себя безпристрастными, но, въ дѣйствительности, въ большей или меньшей степени предубѣжденныхъ противъ евреевъ, воспитанныхъ традиціями, литературою и т. п. въ отрицательномъ или подозрительномъ отношеніи къ нимъ, какъ къ расѣ, а иногда и испытавшихъ какой-нибудь вредъ отъ отдѣльнаго еврея, видѣвшихъ, наконецъ, неприглядную сторону дѣятельности тѣхъ или иныхъ представителей этого племени и обобщающихъ свои личныя впечатлѣнія, возлагающихъ, такъ сказать, отвѣтственность за безнравственные поступки одного или нѣсколькихъ на всѣхъ ихъ соплеменниковъ. Первая категорія, т. е. друзья евреевъ и сами евреи, ничего новаго въ моей статьѣ для себя не найдутъ и не для нихъ, собственно, она и написана; точно также я заранѣе потерялъ надежду переубѣдить фанатиковъ-антисемитовъ, нежелающихъ часто принципиально признавать въ евреяхъ даже людей. Моя статья обращена къ людямъ безпристрастнымъ или считающимъ себя таковыми, т. е. къ тѣмъ, которые принадлежатъ къ моей 2-й и отчасти 3-й категоріи.

Итакъ, просьба моя къ такимъ читателямъ моей статьи заключается въ томъ, чтобы они отнеслись къ содержанію ея въ томъ-же духѣ, въ какомъ она была мною написана, т. е. обсуждая ея содержаніе какъ съ точки зрѣнія желанія добра и успокоенія Россіи, нашему великому Отечеству, такъ и съ чувствомъ, хотя-бы не любви, а благоволенія къ людямъ угнетеннымъ, страждущимъ. Если предлагаемая мною радикальная мѣра полной эмансипаціи евреевъ покажется имъ, съ перваго взгляда, опасною, по привычкѣ считать такое рѣшеніе еврейскаго вопроса недостаточно осторожнымъ съ

общегосударственной точки зрѣнія, то пусть они дадутъ себѣ трудъ спокойно и добросовѣстно подумать, возможно ли, серьезно, другое рѣшеніе его безъ вреда для Россіи и не добывая окончательно лежащихъ? Наконецъ—еще одна просьба—не изощрять своего остроумія, не относиться шутливо и свысока къ вопросу громадной важности, какъ это, къ сожалѣнію, слишкомъ часто случается, когда въ христіанскихъ кругахъ заходитъ вообще рѣчь о евреяхъ: пусть читатель подумаетъ, что шутки неумѣстны въ дѣлѣ, залитомъ и заливаемомъ еще кровью и потоками горькихъ слезъ, слезъ какъ обиды, такъ и нравственныхъ и физическихъ страданій...

Въ заключеніе высказываю увѣренность, что въ Государственной Думѣ третьяго призыва найдется достаточно людей, которые поймутъ необходимость, не медля ни минуты и пока еще не поздно, протянуть руку помощи согражданамъ, хотя и иной вѣры и иной крови, чѣмъ они, но тоже сынамъ нашей общей Матери-Родины.

Графъ Иванъ Толстой.

Октябрь 1907 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе <i>К. К. Арсеньева</i>	3
Отъ автора	5
Антисемитизмъ въ Россіи	13
По поводу правового положенія евреевъ	91
Народное просвѣщеніе въ Россіи и евреи	93

I.

Въ ряду политическихъ вопросовъ, выдвинутыхъ въ Россіи современностью, есть одинъ, который не можетъ считаться никоимъ образомъ новымъ. Онъ старъ не только въ Россіи, но, можно сказать, и во всемъ свѣтѣ. Выдвигается онъ исеволаъ теперь потому, что безъ его удовлетворительнаго рѣшенія трудно говорить объ удовлетворительномъ рѣшеніи другихъ вопросовъ.

Это старый, но вѣчно юный вопросъ о положеніи въ странѣ евреевъ.

Несомнѣнно, что еврейскій вопросъ существуетъ не въ одной Россіи, но и въ другихъ цивилизованныхъ странахъ. Но рѣзкость его постановки у насъ, конечно, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, что происходитъ въ другихъ культурныхъ государствахъ. Не только благодаря тому, что въ Россіи проживаетъ болѣе половины всѣхъ существующихъ на свѣтѣ евреевъ, но и потому, что сама Россія находится еще на первичной, можно сказать, ступени цивилизаціи, отношеніе къ евреямъ имѣетъ еще много характерныхъ чертъ тѣхъ воззрѣній, которыя существовали въ Европѣ въ средніе вѣка. Не можетъ быть сомнѣнія, что антисемитизмъ въ Европѣ и въ Америкѣ имѣетъ своимъ главнымъ источникомъ убѣжденіе, что евреи должны быть врагами христіанства, какъ убійцы Христа, преобладавшее въ средневѣковой до-реформаціонной Европѣ. Доказывать это положеніе подробно едва-ли представляется здѣсь необходимымъ, но упомянуть о немъ важно потому, что многое въ отношеніяхъ къ евреямъ со стороны людей, вообще хорошихъ и даже гуманныхъ, невозможно объяснить, не вспомянувъ о всеобщихъ предрасудкахъ по отношенію къ іудеямъ, царствовавшихъ, можно сказать, безраздѣльно вплоть до 17-го вѣка. Такія вкоренившіяся убѣжденія не легко пропадаютъ и, во всякомъ случаѣ, они оставляютъ послѣ себя такой твердый осадокъ, уничтожить который долго не представляется никакой возможности. Конечно, форма обвиненій евреевъ

во всевозможныхъ, не только предосудительныхъ, но даже преступныхъ дѣйствіяхъ по отношенію къ народностямъ, въ средѣ которыхъ они живутъ, различна и имѣетъ свои градаціи, въ зависимости отъ большей или меньшей культурности самихъ народностей или отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ составъ ихъ: самому ярому антисемиту во Франціи не придетъ въ голову серьезно обвинять евреевъ въ ритуальныхъ убійствахъ или въ томъ, что они распространяютъ чуму, холеру, отравляютъ колодцы и т. п.; но болѣе суетливое, хотя не менѣе коварное, обвиненіе въ томъ, что они поставили себѣ цѣлью обратитъ въ экономическое рабство ненавистныхъ имъ христіанъ, съ легкимъ сердцемъ повторяется людьми, которые по другимъ вопросамъ способны разсуждать спокойно и безпристрастно.

И у насъ, въ Россіи, едва-ли найдется много образованныхъ людей, которые станутъ предъявлять къ цѣлому племени средневѣковыя обвиненія; но, къ сожалѣнію, и между ними есть достаточно такихъ, которые въ своей ненависти къ евреямъ готовы бросать имъ въ лицо самыя тяжкія обвиненія, съ единственной цѣлью возбудить противъ нихъ ненависть необразованныхъ и грубыхъ массъ, оправдывая свою недобросовѣстную игру желаніемъ предостеречь и спасти меньшого брата отъ еврейской эксплуатаціи, отъ страшной опасности, грозящей, будто-бы, Россіи со стороны іудеевъ.

Убѣжденіе въ опасности еврейскаго нашествія, зловредности вліянія евреевъ на весь народный бытъ и даже на національный характеръ ведетъ къ тому, что многіе русскіе, даже сознающіе всю неудовлетворительность существующаго экономическаго и соціальнаго строя Россіи, боятся измѣненій въ немъ, опасаясь, главнымъ образомъ, что эти измѣненія послужатъ только на вящую пользу еврейства. Уже по этому одному неразрѣшеніе еврейскаго вопроса въ Россіи является серьезнымъ тормазомъ въ дѣлѣ обновленія нашей родины. Но еще большее значеніе въ этомъ смыслѣ имѣетъ еврейскій вопросъ въ томъ отношеніи, что цѣлый рядъ реформъ, если и не органически, то все-же тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ тѣмъ или инымъ его рѣшеніемъ.

Несомнѣнно однимъ изъ основныхъ вопросовъ нашей современности является вопросъ о равноправности всѣхъ гражданъ передъ закономъ, объ уничтоженіи въ Россіи сословныхъ перегородокъ. Едва-ли возможно въ такой, по самому существу своему, демократической странѣ, какъ Россія, гдѣ, несмотря на всѣ старанія создать аристократію, никогда не удавалось сформированіе замкнутыхъ сословій, безъ существованія которыхъ никакая аристократія, въ точномъ смыслѣ, не мыслима, мечтать въ 20-мъ вѣкѣ о возвращеніи къ средневѣковымъ социальнымъ формамъ. Поэтому, не нужно быть пророкомъ для того, чтобы предвидѣть, что рано или поздно, а вѣрнѣе всего, еще на нашихъ глазахъ, падутъ и тѣ непрочныя перегородки, которыя, часто по недоразумѣнію, воздвигнуты между отдѣльными сословіями. Ясно, что вмѣстѣ съ признаніемъ равенства всѣхъ передъ закономъ явится необходимость пересмотра всего законодательства, касающагося, такъ называемыхъ, «состояній», т. е. законовъ гражданскихъ, а также юридическихъ нормъ, затрагивающихъ права администраціи и въ частности полиціи по отношенію къ гражданамъ. Не предрѣшивъ вопроса объ эмансипаціи евреевъ, пришлось-бы на каждомъ шагу ломать всю новую систему законодательства, вслѣдствіе необходимости включить въ него оговорки относительно лицъ, исповѣдующихъ законъ Моисея.

Такъ, еще недавно мы были накануне отмѣны паспортной системы, всѣми признаваемой нелѣпою, не достигающею почти никакихъ удовлетворительныхъ результатовъ, серьезно стѣсняющею жизнь русскихъ людей; но эта отмѣна сразу натолкнулась на непреодолимое препятствіе, представляемое правилами и законами о евреяхъ, такъ какъ запрещеніе евреямъ проживать внѣ черты осѣдлости перестало бы фактически дѣйствовать, если-бы уничтожили паспорта, на основаніи которыхъ можно установить вѣроисповѣданіе обладателей ихъ. Вопросъ аграрный, казалось-бы, могъ быть разрѣшенъ помимо вопроса о равноправіи евреевъ, такъ какъ принято, и не безъ нѣкоторыхъ основаній, считать евреевъ плохими земледѣльцами. Но, не говоря уже о томъ, что такое сужденіе, являясь по

существо апіорнымъ, не можетъ быть принимаемо во вниманіе при принципіальномъ рѣшеніи вопросовъ законодательнаго свойства, отношеніе евреевъ къ землепользованію, къ торговлѣ продуктами земли и т. д. должно явиться важнымъ факторомъ при обсужденіи аграрнаго законодательства.

Въ настоящее переходное время, въ которое возбуждается столько коренныхъ вопросовъ, имѣющихъ опредѣлить будущность Россіи, какъ государства и какъ націи, оставлять вопросъ о евреяхъ неразрѣшеннымъ, а тѣмъ болѣе нетронутымъ, нельзя, подъ страхомъ серьезной неудачи общаго стремленія выбраться изъ того ужаснаго положенія, въ которомъ Россія несомнѣнно находится.

Какъ общее правило, антисемитизмъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ ретрограднымъ образомъ мыслей, съ обскурантизмомъ. Но слѣдуетъ признать тотъ фактъ, что между людьми и прогрессивнаго образа мыслей тоже находятся такіе, которые немногимъ отличаются отъ своихъ противниковъ въ воззрѣніяхъ на евреевъ. Если они чаще всего и не высказываются прямо, предпочитая до поры до времени скрыть или побороть свои антисемитскіе инстинкты, то дѣлаютъ это потому, что, съ одной стороны, считаютъ невозможнымъ обойтись безъ помощи евреевъ въ своей борьбѣ съ существующимъ режимомъ, а съ другой—находятъ, изъ «тактическихъ» соображеній, полезнымъ для самого освободительнаго движенія существованіе недовольства евреевъ, дающаго обильный контингентъ, быть можетъ, второстепенныхъ, но весьма энергичныхъ бойцовъ за «свободу». Есть еще и другое соображеніе, мѣшающее людямъ, даже ясно понимающимъ всю нелѣпость и весь вредъ еврейскаго безправія, принять участіе въ справедливомъ рѣшеніи вопроса, заставляющее ихъ отложить въ болѣе или менѣе дальній ящикъ дѣло ихъ раскрѣпощенія: боязнь того, что поднявши несвоевременно еврейскій вопросъ, они испугаютъ ту часть крестьянства, которая поддерживаетъ прогрессивное движеніе, и толкнутъ ее въ объятія реакціи, которая, конечно, поспѣшила-бы воспользоваться случаемъ, чтобы выставить свой антисемитизмъ въ качествѣ доказательства своихъ заботъ о

меньшей братіи, защитниками которой противъ еврейской эксплуатаціи сторонники старыхъ традицій не преминули-бы себя выставить.

Этотъ аргументъ, такъ часто выдвигаемый антисемитами, т. е. то, что они хлопочатъ не о себѣ, не о своихъ интересахъ, а жалѣютъ мужика, ремесленника, скромнаго городского жителя, и борятся съ евреями во имя ихъ интересовъ, стала ходячей монетой въ устахъ у всѣхъ, возражающихъ противъ равноправія евреевъ. Этотъ аргументъ настолько распространенъ, настолько считается не требующимъ доказательствъ, что выдвигается часто людьми, вполне добросовѣстными, честными, и не возбуждаетъ въ нихъ даже мысли о томъ, что это положеніе требуетъ доказательствъ. Въ любомъ другомъ вопросѣ такой человѣкъ, приступая къ его обсужденію, счелъ бы своимъ долгомъ хоть сколько-нибудь углубиться въ него, собрать фактическія подтвержденія выставляемыхъ имъ положеній, добросовѣстно взвѣсить свои возраженія противъ доводовъ, которые ему представляются людьми противоположнаго мнѣнія. Въ еврейскомъ вопросѣ дѣло упрощается. Что-жъ тутъ разсуждать? Всѣ (?) банки въ рукахъ у евреевъ; Ротшильдъ является чѣмъ-то вродѣ всемірнаго потентата, евреи всѣ богаты, другъ друга никогда не выдають, сдѣлали своею спеціальностью обираніе другихъ народовъ. Все это такъ общезвѣстно, что не требуетъ доказательствъ, несмотря на то, что можно-бы указать, что есть столько-же, или, вѣрнѣе, больше, нееврейскихъ банковъ, что есть христіане богаче Ротшильда, что евреи между собою достаточно часто ссорятся и не только выдають другъ друга, но, по страстности своей натуры, нерѣдко доводятъ другъ друга до гибели, что обирающіе христіанъ евреи сами представляютъ собою, въ общей своей массѣ, народъ не только пролетаріевъ, но прямо пауперовъ. По поводу пресловутаго обиранія можно-бы указать, что если крестьяне сѣверо-западнаго края и бѣдны, то бѣдны вѣдь и курскіе, и тамбовскіе, и рязанскіе крестьяне, хотя эти губерніи и не входятъ въ черту еврейской осѣдлости. Но зато крестьяне юго-западнаго края, хотя и подвергаются всѣмъ пресловутымъ ужасамъ еврей-

ской эксплуатаціи, несомнѣнно, въ общемъ, богаче тамбовскихъ крестьянъ. Правда, что взвинчивая аренды на землю, торгуясь за размѣръ поденной платы, помѣщику средней полосы нельзя ссылаться на злодѣя-еврея, а въ чертѣ осѣдлости это весьма удобный и находящійся подъ рукою козель отпущенія за собственные и за чужіе грѣхи, тѣмъ болѣе, что почва для такихъ обвиненій евреевъ готовая: увѣрить, что хриstopродавецъ-жидъ желаетъ зла христіанину не трудно, а къ тому-же онъ оказывается совершенно беззащитнымъ противъ такихъ обвиненій.

И странно, что тѣ-же помѣщики, которые обвиняютъ евреевъ въ эксплуатаціи, держатъ ихъ у себя въ качествѣ факторовъ, арендаторовъ, повѣренныхъ и т. д. Конечно, они увѣряютъ, что *эти* евреи являются исключеніемъ изъ общаго правила. Они, по ихъ мнѣнію, люди, и полезные, и хорошіе. Вообще удивительно, что каждый антисемитъ лично знаетъ массу хорошихъ евреевъ, но говоритъ, что исключеніе является только подтвержденіемъ общаго правила. Я серьезно думаю, что если-бы сосчитать, сколько отдѣльные антисемиты знаютъ, въ сложности, хорошихъ евреевъ, то при подсчетѣ оказалось-бы, что такихъ, пожалуй, немногимъ меньше, чѣмъ всѣхъ евреевъ, живущихъ въ Россіи вообще. Секретъ тутъ въ томъ, что, конечно, евреи не лучше, но и не хуже другихъ.

Попробуйте поговорить съ антисемитомъ по душѣ. Вы можете опровергнуть рядъ его обвиненій доказательствами, примѣрами изъ жизни. Онъ съ вами согласится, но все-таки кончитъ тѣмъ, что объявитъ евреевъ антипатичными, невыносимыми, вслѣдствіе какого-нибудь присущаго, будто, имъ, въ исключительной степени, отрицательнаго качества.

Всѣ эти обвиненія цѣлаго племени въ какихъ-то спеціально ему присущихъ качествахъ стали за послѣднее время самымъ обычнымъ явленіемъ. Происходитъ оно отъ моднаго нынѣ увлеченія обобщеніями. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы нова была повадка обвинять цѣлыя народности въ разныхъ преступныхъ качествахъ, приписывать имъ цѣлый рядъ нрав-

ственныхъ особенностей, причемъ такія обобщенія имѣютъ часто претензію на научную обоснованность: стараніе опредѣлить общій характеръ народа, его рѣзкое отличіе отъ сосѣдей близкихъ и дальнихъ, унаслѣдовано еще отъ древнихъ историковъ и географовъ. Вѣдь и великій историкъ, современная знаменитость, Момзенъ, считалъ славянъ низшей расой и утверждалъ, что примѣсь славянской крови портитъ и возвращаетъ германцевъ. Англичане, эта передовая нація, считаютъ чернокожихъ и притомъ не только хамитовъ, но и чистокровныхъ арійцевъ, стоящими неизмѣримо ниже европейцевъ, не способными подняться до культуры и до этического совершенства англо-саксонской расы.

Несомнѣнно, что всѣ эти расовыя предубѣжденія, если внимательно въ нихъ разобраться, имѣютъ своимъ источникомъ боязнь потерять свое преобладаніе, какъ политическое, такъ и экономическое, и послѣднее гораздо болѣе, чѣмъ первое. Не напрасно рабочіе всѣхъ странъ, въ своей борьбѣ съ капитализмомъ, не дѣлаютъ различія между хозяиномъ семитомъ или арійцемъ, рыжимъ, чернымъ или бѣлокуримъ. Другое дѣло, когда приходится вступать въ борьбу въ своей собственной средѣ. Тутъ расовыя предубѣжденія пышно расцвѣтаютъ, и въ борьбѣ за заработокъ французскій рабочій избиваетъ итальянскаго, американскій не подпускаетъ къ себѣ китайца и японца, русскіе рабочіе въ Астрахани бьютъ персовъ.

Но если является печальною дѣйствительностью грубая защита своихъ эгоистическихъ вождѣлннй со стороны заинтересованныхъ лицъ, то приходится объ этомъ, конечно, сожалѣть, стараться сгладить антагонизмъ, основанный на интересахъ желудка; но можетъ ли государственная власть, какъ-бы она ни принимала близко къ сердцу интересы какой-либо опредѣленной, хотя-бы и большей, части населенія страны, руководствоваться такими-же побужденіями? Мнѣ кажется, что этическое начало обязательно для государства, иначе найдутъ себѣ оправданіе всякая тиранія, всякая несправедливость, объясняемая утилитарными побужденіями.

Если въ цивилизованныхъ странахъ правительства стыдятся некультурныхъ увлеченій своихъ гражданъ, стараются сгладить крайнія проявленія націоналистическаго движенія и нетерпимости къ чужакамъ, то у насъ государство принимало, напротивъ, дѣятельное участіе въ борьбѣ всѣхъ остальныхъ народностей съ евреями. Въ чемъ же обвиняетъ русская государственность своихъ подданныхъ Моисеева закона?

Первое и главное обвиненіе евреевъ со стороны государственной власти заключается въ томъ, что они эксплуатируютъ производительные классы барышничествомъ. Потребность умагы податей, страсть къ водкѣ, нужда въ пріобрѣтеніи самымъ необходимымъ въ хозяйствѣ вещей, часто заставляютъ крестьянъ продавать евреямъ хлѣбъ по низкой цѣнѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, бѣдность еврейскаго населенія въ чертѣ осѣдлости заставляетъ изыскивать всевозможныя, иногда нечестныя, средства къ поддержанію своего существованія, что приводитъ къ уродливымъ экономическимъ явленіямъ. Отсутствие у крестьянъ и мѣщанъ промышленной самодѣятельности и предприимчивости, привычка во всемъ, что выходитъ за границы своего маленькаго дѣла, обращаться къ посреднику, помогаетъ еврею стать эксплуататоромъ остальнаго населенія. Наконецъ, контрабанда представляется какъ бы спеціальнымъ занятіемъ еврейства. Особенная склонность евреевъ къ торговлѣ дѣлаетъ, будто, невозможной для другихъ народностей успѣшную конкуренцію въ этой области.

Вотъ съ чѣмъ правительственная власть въ Россіи считалась, устанавливая особенное законодательство для евреевъ. Характеристика этого законодательства превосходно сдѣлана И. Г. Оршанскимъ, очерки котораго подъ общимъ заглавіемъ «Русское законодательство о евреяхъ» изданы были еще въ 1877 г. «По своему гражданскому положенію, говоритъ Оршанскій, евреи въ Россіи представляютъ совершенно исключительное явленіе, не имѣющее ничего аналогическаго въ судьбѣ всѣхъ остальныхъ классовъ населенія Россіи... Во-первыхъ, всѣ русскіе граждане пользуются неограниченнымъ правомъ жительства на всей русской территоріи. Это право до того

существенно связано съ правомъ гражданства въ данной странѣ, что представить себѣ одно изъ нихъ безъ другого рѣшительно невозможно. А такъ какъ евреи вообще не пользуются правомъ повсемѣтнаго жительства въ Россіи, то очевидно, что считать ихъ русскими гражданами, въ юридическомъ смыслѣ слова, невозможно. Во-вторыхъ, при самомъ поверхностномъ взглядѣ на русскіе законы о евреяхъ, видно, что законодатель нашъ смотритъ на евреевъ съ совершенно противоположной точки зрѣнія, чѣмъ на всѣ другіе классы населенія. Относительно послѣднихъ законъ исходитъ изъ того совершенно правильнаго основанія, что все не запрещенное закономъ считается дозволеннымъ... Но въ отношеніи къ евреямъ законъ беретъ за исходную точку, что они сами по себѣ не пользуются никакими правами въ Россіи и поэтому все, не дозволенное имъ положительнымъ закономъ, считается запрещеннымъ. Отсюда необходимость установить правила слѣдующаго рода: «Евреи, состоящіе въ подданствѣ Россіи, подлежатъ общимъ законамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ не поставлено особыхъ о нихъ правилъ». «Евреи, пользуясь общимъ покровительствомъ законовъ, имѣютъ свободу не токмо въ личномъ ихъ состояніи и въ законномъ приобрѣтеніи имущества, въ земледѣльческихъ занятіяхъ и въ производствѣ торговли, промышленности и ремесель» и т. д.

Самое важное гражданское право жить тамъ, гдѣ найдешь для себя удобнымъ, еврей можетъ приобрѣсти законно только слѣдующими путями: 1) если онъ извѣстное число лѣтъ состоялъ въ первой гильдіи, но лишь до тѣхъ поръ, пока онъ платитъ повинности первой гильдіи, т. е. приносить выгоду казнѣ; 2) если еврей ревностно занимался науками и прошелъ университетскій курсъ или иного высшаго учебнаго заведенія; 3) если доказано, что онъ фактически занимается какимъ-либо ремесломъ и пока онъ имъ занимается. Всеисцѣляющимъ средствомъ противъ неизлѣчимой болѣзни (по выраженію Гейне), которая называется принадлежностью къ еврейству, является, конечно, переходъ въ христіанство.

Вотъ въ общихъ, грубыхъ чертахъ отношеніе русскаго законодательства къ евреямъ. Ниже я намѣренъ нѣсколько подробнѣе остановиться на разборѣ ограничительныхъ, по отношенію къ евреямъ, законодательныхъ актовъ новѣйшаго времени. Теперь же обращу вниманіе на то, что изъ приведеннаго выше ясно, что наше законодательство о евреяхъ имѣетъ два специфическихъ свойства: 1) какъ уже отмѣтилъ Оршанскій, оно, вопреки общепринятымъ юридическимъ принципамъ, указываетъ не только на запрещенное, а и на дозволенное евреямъ, считая все неоговоренное для нихъ запретнымъ, и 2) опять-таки, вопреки формулированному римскою юриспруденціею и признанному всѣми развитыми законодательствами принципу, заключающемуся въ томъ, что всякій признается добрымъ, не преступнымъ, пока не будетъ доказано противное; т. е. его преступность, евреи признаются нашимъ законодательствомъ априорно дурными (на юридическомъ языкѣ, слѣдовательно, преступными или, по крайней мѣрѣ, заподозрѣнными въ преступности), почему наравнѣ съ осужденными преступниками подвергаются такимъ ограниченіямъ въ своихъ гражданскихъ правахъ, которыя, имѣя характеръ наказанія для нихъ самихъ, за принадлежность ихъ къ еврейству, ограждаютъ общество добрыхъ гражданъ отъ опаснаго для него элемента.

Иными словами, можно сказать, что по отношенію ко всѣмъ гражданамъ страны, кромѣ евреевъ, наше законодательство борется, какъ и всякій законъ, съ *преступностью*. Относительно же евреевъ—съ *преступниками*. Оно какъ-бы говоритъ еврею: разъ ты совершилъ преступленіе, родившись евреемъ, ты не можешь по справедливости претендовать на тѣ-же права, какъ всѣ прочіе, незапятнанные ничѣмъ люди. Покаяйся, смой первородный свой грѣхъ крещеніемъ (въ этомъ отношеніи государство, съ нѣкоторой натяжкой, можетъ опереться даже на ученіе церкви), и ты будешь принятъ въ нашу среду, какъ раскаявшійся, какъ исправившійся.

Преслѣдуя еврейство, какъ нѣчто зловердное само по себѣ и въ высшей степени опасное, русская государственная

власть, не въ примѣръ другимъ случаямъ, чутко прислушивалась къ тому, что ей угодно признавать общественнымъ мнѣніемъ. Въ данномъ случаѣ это общественное мнѣніе въ глазахъ правительства олицетворялось жестокими воплями антисемитовъ, и русская власть, повидимому, рада была примѣнить на практикѣ всякую мѣру, внушаемую врагами Израиля. Но ни долготѣнная практика, ни явная жестокость мѣръ, принимаемыхъ противъ, такъ называемаго, избраннаго народа, нѣкоторыя изъ которыхъ не только явно не справедливы съ общечеловѣческой точки зрѣнія, но имѣютъ даже характеръ, говоря откровенно, издѣвательства надъ жертвами законодательныхъ и административныхъ экспериментовъ, не помогаютъ, повидимому, достигнуть преслѣдуемой цѣли и не удовлетворяютъ воинствующихъ антисемитовъ, требующихъ все новыхъ и новыхъ ограниченій и жестокостей. Антисемиты осмѣливаются упрекать евреевъ въ томъ, что они плохіе граждане, отлично зная, что русское законодательство само поставило ихъ въ положеніе людей, лишенныхъ гражданскихъ правъ.

Еще недавно одна антисемитская газета съ нескрываемымъ восторгомъ повѣствовала о томъ, что будто въ Нью-Йоркѣ у многихъ (?) гостинницъ красуется надпись, гласящая, что собакъ и евреевъ не пускаютъ. Въ той-же газетѣ другой авторъ утверждаетъ, что «евреи ничто иное, какъ темные торгаши, эксплуататоры, что золото, женское тѣло и вино—вѣчныя средства совращенія, дающія евреямъ власть, что на пространствѣ вѣковъ идетъ процессъ внѣдренія соблазна, развращенія и наконецъ, гибели, если жертвамъ паразитной атаки евреевъ во время не удастся очнуться». Среди всѣхъ населеній земного шара евреи, будто, неизмѣнно возбуждаютъ порочныя наклонности, тщательно ухаживаютъ именно за этими порочными наклонностями и на нихъ наживаютъ свои богатства. Можно себѣ представить, говоритъ авторъ, «съ какимъ волчьимъ аппетитомъ ринутся жида на остальную Россію, когда дадутъ имъ равноправіе и выпустятъ изъ черты осѣдности. Въ безсовѣстности, лжи и изворотливости еврей поспорить съ чортомъ (!)». Въ другомъ мѣстѣ тотъ-же ав-

торъ говоритъ: «Какъ процессъ заразы состоитъ въ томъ, что паразитные грибки находятъ сначала широкое гостепрѣимство въ организмѣ, затѣмъ быстро множатся и выдѣляютъ яды, а потомъ всѣми силами организма изгоняются вонъ, такъ точно въ исторіи евреевъ». Привожу дословно это антисемитское фразерство, являющееся сродни вликушеству, такъ какъ мнѣніе нашихъ законодателей по еврейскому вопросу, переведенное на полемическій газетный жаргонъ, по внутреннему своему смыслу, немногимъ, откровенно говоря, разнится отъ мнѣнія приведеннаго антисемита. Казалось-бы, признавъ такую истину, что еврей сравнимъ только съ чумною или холерною бациллою, слѣдовало-бы въ борьбѣ съ нимъ примѣнить одно изъ двухъ указываемыхъ наукою средствъ: или, найдя антитоксинъ, бороться съ болѣзненными проявленіями самаго организма, пораженнаго заразою, или еще лучше, постараться произвести радикальную дезинфекцію и очистить страну совершенно отъ бациллъ. Последнее радикальное средство, если и не серьезно, то подъ видомъ остроумной шутки, предлагалось многими изъ нашихъ власть имущихъ. Мнѣ приходилось не разъ слышать разговоръ о томъ, что слѣдовало бы предложить всѣмъ евреямъ покинуть предѣлы Россіи въ опредѣленный срокъ, оставшихся же послѣ этого срока принудить къ крещенію или «утопить огуломъ въ Черномъ морѣ». Что-жь, это было бы жестокимъ, но дѣйствительно радикальнымъ средствомъ противъ ненавидимаго племени. Другое средство, т. е. употребленіе антитоксиновъ, казалось было-бы болѣе научно, хотя, можетъ быть, и не столь радикально.

Но къ этому средству наша государственная власть не выказала до сихъ поръ намѣренія прибѣгнуть. Такимъ антитоксиномъ явилась-бы не борьба съ отдѣльными опасными элементами, а съ тѣми условіями, которыя даютъ возможность развиться этимъ вреднымъ элементамъ. Вы боитесь главнымъ образомъ еврейской эксплуатаціи. Пересмотрите законы, касающіеся аренды, наказывайте серьезно развратъ во всѣхъ его проявленіяхъ; но дѣлайте это, не имѣя въ виду однихъ только евреевъ, но арендаторовъ любого вѣроисповѣданія, бори-

тесъ противъ разврата, кѣмъ-бы онъ ни производился. Къ несчастью для антисемитовъ, заранѣе можно предсказать, что скоро раздались-бы тогда не столько жалобы евреевъ на ихъ грустное положеніе и даже не фанатическіе крики антисемитовъ, указывающихъ на еврейскую опасность, а вопль многихъ христіанъ, которые часто не хуже всякаго еврея умѣютъ заработать средства для пріятной жизни способами, мало поощряемыми этикой.

Мы видѣли выше, что радикальнымъ способомъ очищенія еврея является принятіе имъ христіанства. Предполагается, конечно, при этомъ, что такимъ способомъ разрывается та связь, та солидарность, которая представляется особенно опасною въ еврействѣ. Но помимо того, многіе, если не всѣ антисемиты, повидимому, вѣрятъ, что самая этика послѣдователей закона Моисея находится въ прямомъ противорѣчій не только съ христіанскою этикою, но и съ этикою другихъ религій. Въ этомъ отношеніи, какъ наше законодательство, такъ и многіе русскіе люди имѣютъ въ сильнѣйшемъ подозрѣніи знаменитый Талмудъ. Дѣйствительно, всѣ ограниченія имѣютъ въ виду евреевъ-талмудистовъ, касаясь лишь въ немногихъ отношеніяхъ немногочисленной у насъ группы евреевъ, извѣстныхъ подъ наименованіемъ караимовъ и отличающихся отъ своихъ сородичей тѣмъ, что они своимъ закономъ признаютъ только Пятикнижіе и отрицаютъ значеніе Талмуда. Этотъ Талмудъ является въ глазахъ у многихъ какимъ-то жупеломъ, но никто, кажется, изъ говорящихъ о немъ по наслышкѣ, не далъ себѣ труда хоть сколько-нибудь ознакомиться съ его содержаніемъ и духомъ. Между тѣмъ, нравственное ученіе въ Талмудѣ и христіанствѣ, въ общихъ чертахъ, совершенно тождественно: дѣлай другимъ то, что ты желаешь, чтобы другіе тебѣ дѣлали, — признается Талмудомъ древнимъ изреченіемъ, которое заключаетъ въ себѣ весь законъ*). Конечно, въ Талмудѣ отдается предпочтеніе сынамъ Израиля передъ остальными народами. Вѣра ихъ

*) См. Талмудъ, этюдъ Эм. Дейтша. Переводъ А. Е. Ландау. Спб. 1891 г.

признается лучшею изъ всѣхъ вѣръ и даже единственно правильной вѣрой. Но развѣ не такого-же самаго мнѣнія и христіанинъ, и притомъ не увѣренъ ли вѣрующій христіанинъ каждаго отдѣльнаго вѣроисповѣданія, что именно его исповѣданіе единственно правильное?

Талмудъ говоритъ, что «каждый народъ имѣетъ своего ангела хранителя, свой гороскопъ, свою планету и свою звѣзду. Одинъ только Израиль не имѣетъ звѣзды. Израиль поднимаетъ свои взоры лишь къ Нему Одному, ибо нѣтъ посредника между тѣми, которые называются Его дѣтьми, и ихъ Отцомъ на небесахъ». Можно ли найти въ такомъ изреченіи что-нибудь преступное или развращающее, хотя, конечно, каждый антисемитъ на него укажетъ съ радостью, какъ на доказательство того, что евреи должны презирать всѣ другіе народы, считать себя единственными настоящими богопочтателями и призванными владычествовать надо всѣми. Но развѣ русскій мужикъ не убѣжденъ, что самъ Христосъ, апостолы и всѣ святые говорили по-русски и что лучше русскаго народа и лучше русской вѣры нѣтъ на свѣтѣ? Развѣ вѣрующій католикъ не убѣжденъ, что все должно подчиниться Риму и его первосвященнику? Рядомъ съ массой чисто восточныхъ мелочныхъ предписаній, рядомъ съ наивною экзегетикою, въ Талмудѣ разбросано большое количество такихъ максимъ и изреченій, которыя рисуютъ ихъ составителей, какъ людей высокой нравственности и широкихъ воззрѣній. У евреевъ, напримѣръ, существуетъ глубокое почитаніе учености, исключительное уваженіе къ представителямъ науки и притомъ какъ-бы бѣдны и незначительны они ни были по своему происхожденію и по общественному положенію. Это уваженіе нисколько даже не ограничивается принадлежностью выдающихся людей къ еврейской націи: я думаю каждый могъ замѣтить, какъ евреи окружаютъ обожаніемъ всякаго христіанина, выдающагося въ наукѣ или въ литературѣ. Этотъ фактъ является, между прочимъ, серьезнымъ возраженіемъ противъ пресловутой замкнутости евреевъ, на которую привыкли такъ часто ссылаться. Если-бы стараніе обособиться

было древняго происхожденія, а не явилось-бы несомнѣннымъ послѣдствіемъ того, что христіане неохотно допускаютъ ихъ въ свою среду, то оно сказалось-бы хотя-бы на языкѣ ихъ вѣроисповѣдныхъ книгъ; между тѣмъ, народный языкъ іудеевъ уже въ началѣ христіанской эры состоялъ изъ смѣси греческаго, латинскаго, арамейскаго, сирійскаго и еврейскаго языковъ, что менѣе всего, казалось-бы, свидѣтельствуетъ о той упорной замкнутости, которая сдѣлалась стереотипною фразою по отношенію къ евреямъ.

II.

Въ нашемъ законодательствѣ еврейское вѣроученіе именуется, не въ примѣръ всемъ прочимъ, прямо и откровенно лжеученіемъ, а религіозныя понятія евреевъ суетвѣремъ. Такихъ оскорбительныхъ опредѣленій въ законѣ нѣтъ ни относительно Ислама, ни Буддизма, ни даже Шаманства. Ясно, слѣдовательно, что русская государственная власть принципиально, съ самаго, такъ сказать, начала своихъ воззрѣній на евреевъ стала рѣшительно на сторону ихъ враговъ и сама, несомнѣнно, помогла заложить фундаментъ религіознаго противъ нихъ предубѣжденія и преслѣдованія, признавъ ихъ не обладателями достойнаго уваженія вѣроисповѣданія, а, выражаясь прямо, фанатиками, придерживающимися болѣе или менѣе нелѣпой и вредной вѣры, которую и въ законѣ должно безъ церемоніи назвать лжеученіемъ. Но если, такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что русская государственная власть признавала (и продолжаетъ признавать), становясь на точку государственной религіи, самую вѣру евреевъ презрѣнною и неразумною, то кромѣ того, она ей фактически приписываетъ и другое зловерное качество, а именно способность скрѣпить солидарность между собою (очевидно на всякое зло) лицъ, исповѣдующихъ древнее лжеученіе. Если указанная выше явная нетерпимость нашего законодательства къ еврейской религіи, по существу, является ничѣмъ инымъ, какъ отголоскомъ, или вѣрнѣе, продолженіемъ средневѣковаго отношенія къ ней, довольно давно забытаго въ цивилизованныхъ странахъ, то убѣжденіе въ пресловутой солидарности евреевъ между собою, основанной на общности религіи и расы, существуетъ не въ одной Россіи, но, можно сказать, рѣшительно всюду, во всехъ странахъ, гдѣ евреи проживаютъ въ сколько-нибудь замѣтномъ количествѣ. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ, наконецъ, дѣло съ положительнымъ фактомъ, на который слѣдуетъ обратить вниманіе.

Едва ли кто-нибудь сомнѣвается въ томъ, что всякое гоненіе имѣетъ специфическое свойство создавать тѣсную связь между собою гонимыхъ для возможности отпора и для взаимной поддержки въ общей бѣдѣ. У насъ, въ Россіи за примѣрами недалеко ходить. Преслѣдованіе раскола создало изъ раскольниковъ различныхъ толковъ сильныя взаимопомощью и традиціею общины солидарныхъ между собою людей, которые, для того, чтобы сохранять свою вѣру въ чистотѣ, не дать ей погибнуть, помогаютъ другъ другу во всѣхъ случаяхъ столкновеній, какъ съ государственной властью, ихъ преслѣдовавшею, такъ и съ иновѣрцами. Но вспомнимъ, что вся исторія еврейства почти ничто иное, за рѣдкими, свѣтлыми промежутками, какъ исторія гоненій и мученичества. Обыкновенно враги еврейства приводятъ, въ качествѣ доказательства отрицательныхъ свойствъ, будто органически присущихъ евреямъ, тотъ историческій фактъ, что почти никто никогда не терпѣлъ ихъ въ своей средѣ, начиная со временъ плѣненій египетскаго и вавилонскаго почти до нашихъ дней, т. е. въ западной Европѣ до конца среднихъ вѣковъ, а у насъ въ Россіи и доселѣ ихъ не могутъ выносить и гонять отъ себя. Причину этого явленія антисемиты видятъ въ томъ, что евреи всюду и всегда составляли и составляютъ огромную шаѣку эксплуататоровъ тѣхъ народовъ, изъ среды которыхъ ихъ выживали. Евреи, со своей стороны, говорятъ: на насъ, единственныхъ во времена язычества единобожниковъ, носителей вѣчной правды, всюду воздвигали гоненія на нашу вѣру, за вѣру нашихъ отцовъ; и мы, чтобы спасти ее и спастись самимъ, должны были соединяться, должны были поддерживать другъ друга, и за это насъ опять и еще больше преслѣдовали. Такимъ образомъ, получается какъ-бы заколдованный кругъ, исходная точка котораго терлется во мракѣ доисторическихъ временъ: одни говорятъ: «мы васъ ненавидимъ, потому что вы другъ друга поддерживаете противъ насъ», а другіе отвѣчаютъ: «мы другъ друга должны поддерживать, потому что вы насъ ненавидите».

Но не то-же ли самое мы видимъ и видѣли всегда въ

исторіи всѣхъ сектъ и религій? Вѣдь не было еще примѣра, чтобы путемъ преслѣдованій, насилія и издѣвательства удавалось уничтожить секту или вѣроученіе, и притомъ не только философски развитое, но самое нелѣпое, если не прибѣгали къ высшей формѣ насилія, т. е. къ поголовному истребленію. Нетерпимостью, этимъ нравственнымъ гоненіемъ, и преслѣдованіями всякая религія, всякая секта только укрѣпляется, а союзъ исповѣдниковъ преслѣдуемаго вѣроученія цементируется лучше, чѣмъ какимъ-бы то ни было регламентомъ или официальнымъ актомъ. Исторія поучаетъ, что нѣтъ той религіи, которая устояла-бы нетронутою отъ почти смертельнаго для нея удара—признанія ея государственнымъ вѣроисповѣданіемъ: она неминуемо, во-первыхъ, подвергается такому искаженію, которое иногда дѣлаетъ неузнаваемыми самыя возвышенныя стороны ея этического ученія, а во-вторыхъ, она тотчасъ выдѣляетъ изъ себя секты, въ ней происходитъ, такъ называемый, расколъ; иными словами, бывшая солидарность вѣроисповѣднаго союза, окрѣпшая въ несчастія, отходитъ мало-по-малу въ область историческаго преданія: были когда-то христіане, а остались православные, католики, лютеране и т. д. безъ конца.

Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы іудейство не подчинилось общему закону. Не все-ли намъ, съ практической, государственной точки зрѣнія, равно, они-ли были первоначально виноваты, что ихъ преслѣдовали и угнетали, или сперва ихъ угнетали, а они реагировали на это угнетеніе своимъ сплоченіемъ: рѣшеніе этого вопроса, повторяю, не имѣетъ практическаго значенія, какъ-бы ни старались доказать это антисемиты, а является областью соревнованія историковъ-любителей въ квази-ученомъ остроуміи и пронизательности; для насъ важно то, что преслѣдованія евреевъ за ихъ религіозное убѣжденіе не прекратились до нашихъ дней, не приведя ни къ чему хорошему. На это утвержденіе каждый легко можетъ возразить, и даже навѣрное возразить, что нетерпимость къ евреямъ, непризнаніе ихъ равноправности со стороны закона не существуетъ уже болѣе почти во

всей Европѣ, въ Америкѣ, да и въ другихъ частяхъ свѣта, въ которыхъ осуществляются принципы правовой государственности. Совершенно вѣрно, но именно тутъ Россія со своимъ антисемитскимъ законодательствомъ играетъ роль колоссальнаго тормазы, мѣшающаго исторически неизбѣжному процессу разрушенія пресловутой еврейской обособленности.

Болѣе половины всѣхъ живущихъ на землѣ евреевъ фактически находится въ предѣлахъ Россіи, и слѣдовательно, колоссальная часть Израильскаго народа подчиняется тому старому, въ теченіе долгихъ столѣтій, испытываемому имъ режиму, который исторически создалъ его солидарность, а его соплеменники, живущіе въ лучшихъ условіяхъ, не могутъ не реагировать на положеніе многочисленныхъ своихъ сородичей, напоминающихъ о себѣ періодически, и притомъ слишкомъ часто и болѣзненно, не могутъ не реагировать на мученія, которымъ ихъ подвергаютъ погромы, техническое названіе чпсто русское, ставшее за послѣднее время достояніемъ почти всѣхъ европейскихъ языковъ. Нельзя было-бы запретить русскому жалѣть братьевъ-славянъ, когда они подвергаются насиліямъ или даже просто несправедливостямъ со стороны другихъ народовъ, но еще болѣзненнѣе было-бы наше чувство, если-бы русскіе, въ извѣстномъ, болѣе или менѣе значительномъ числѣ, жили гдѣ-нибудь въ Азіи или въ Африкѣ и подвергались періодически истязаніямъ. Несомнѣнно, мы все почувствовали бы свою солидарность съ ними и наша собственная солидарность, наше національное чувство могло-бы только усилиться отъ сознанія, что нашихъ братьевъ преслѣдуютъ. Поэтому естественно что берлинскій еврей, парижскій и римскій одинаково возмущаются отношеніемъ русскихъ властей къ ужасамъ, происходящимъ то въ Одессѣ, то въ Кишиневѣ, то въ Кіевѣ. Читая подробности этихъ происшествій, зная, въ какомъ ужасномъ положеніи находится большинство ихъ братьевъ, проживающихъ подъ режимомъ русскаго законодательства, они не только сочувствуютъ имъ, но и вспоминаютъ то, что они иногда уже почти забыли, т. е., что и они евреи, что и ихъ въ Россіи не признали бы

людьми, что и ихъ дочерей и женъ признали бы, будь онѣ въ Россіи, не людьми, а «жидовками». Я утверждаю, что именно антисемитизмъ въ Россіи, какъ общественный, такъ и оффиціальный, государственный, является не послѣднимъ тормазомъ для культурнаго сліянія евреевъ съ тѣми народами, въ средѣ которыхъ они проживаютъ.

Но съ другой стороны, нельзя закрывать глаза передъ фактомъ, что тамъ, гдѣ евреи дольше всего и полнѣе всего пользуются равноправіемъ, процессъ сліянія ихъ съ другими народностями идетъ правильнымъ и довольно быстрымъ шагомъ. Никому въ Голландіи, гдѣ евреи давно пользуются всѣми гражданскими правами, не придетъ въ голову обвинять ихъ въ томъ, что они составляютъ шайку для эксплуатаціи своихъ согражданъ; въ Италіи евреи не играютъ такой роли, которая возбуждала-бы противъ нихъ коренное населеніе, и достиженіе ими высшихъ постовъ, какъ въ администраціи, такъ и въ арміи шокируетъ только развѣ клерикаловъ и членовъ папской аристократіи. Дарованіе равноправности евреямъ въ Германіи имѣло послѣдствіемъ возникновеніе секты реформированныхъ іудеевъ, которые весьма близко подходятъ къ христіанамъ наиболѣе свободомыслящихъ сектъ и самымъ возникновеніемъ проложили широкую брешь въ пресловутой еврейской «синагогальной» солидарности. Можно даже положительно сказать, что именно евреи, получившіе нѣкоторое образованіе, не говоря уже о европейски образованныхъ евреяхъ, легче всего отступаютъ отъ вѣры отцовъ своихъ, становятся безразличными къ вопросамъ вѣры. Я не говорю о томъ, хорошо ли это, или дурно, но это несомнѣнный фактъ; я намѣренъ, впрочемъ, поговорить о немъ отдѣльно ниже.

Гдѣ же остается солидарность, основанная на общности вѣроисповѣданія? А вѣдь равноправіе евреевъ и въ Германіи до сихъ поръ является условнымъ и далеко не проведено всюду; хотя равноправіе ихъ признано закономъ, но, напримеръ, въ войскахъ не допускается ни одинъ еврей къ занятію офицерской должности, ихъ во многихъ вѣдомствахъ не

принимаютъ на службу; слѣдовательно, для того, чтобы говорить о томъ, что равноправіе не поведетъ къ сліянію, нужно выждать времени, когда это равноправіе осуществится въ полной мѣрѣ и болѣе или менѣе вездѣ. Можетъ быть, когда это случится, скажемъ черезъ какихъ-нибудь 40—50 лѣтъ, историки будутъ удивляться, какъ наши современники не догадались, что преслѣдованіемъ и отрицательнымъ отношеніемъ къ народности и религіи они сами создали обособленность, которая реально существуетъ въ той-же мѣрѣ, какъ обособленность католиковъ, менонитовъ и т. д. Но и въ наше время сами антисемиты начинаютъ отчасти прозрѣвать. Тотъ-же антисемитъ, котораго я цитировалъ выше, пишетъ въ другой статьѣ слѣдующее:*) «Такъ называемое еврейство— чисто механическая группа, сплоченная суевѣріемъ, съ одной стороны, и бездарной политикой христіанскихъ правительствъ, съ другой. Евреи центробѣжное революціонное племя, которое давно растеклось бы по земному шару и исчезло бы, если бы ихъ насильственно не сбивали въ кучу... Вовсе не Библия связываетъ евреевъ, это книга, которая легко забывается евреями, когда ихъ не заставляютъ держаться ея. Желѣзнымъ обручемъ для разошедшейся бочки іудаизма служатъ нелѣпыя законы, заимствованныя христіанами еще изъ персидской практикы... Что же нужно сдѣлать для рѣшенія еврейскаго вопроса? Нужно уничтожить еврейское самоуправленіе, нужно уничтожить кагалъ, казенный раввинатъ, регистрацію, какъ у раскольниковъ, и всѣ денежные сборы: коробочный, свѣчной, кошерный и пр... Надо уничтожить казенную опеку, высиживающую націонализмъ еврейскій. Разсыпавшіеся евреи не страшны; страшна ихъ организованность, ихъ скрытая государственность, которая уже настолько сильна, что ведетъ открытую войну съ нашимъ государствомъ....»

Изложенныя разсужденія антисемита вичѣмъ не отли-

*) М. Меньшиковъ. Народъ-искуситель. „Нов. Вр.“ 8 сентября, 1907 г.

чаются, съ сущности, отъ утверждёнй людей, желающихъ добра евреямъ, и заключаютъ въ себѣ то, чего просятъ сами евреи и только останавливаются на полпути. Дѣйствительно, здѣсь затронуть самый существенный, самый жизненный пунктъ указаніемъ, что именно исключительное законодательство и, прибавимъ отъ себя, законодательство, насыщенное антипатіею къ іудаизму и къ самимъ евреямъ, создаетъ и поддерживаетъ ихъ солидарность. Но въ качествѣ антисемита, авторъ цитированныхъ строкъ, начавши за здравіе, не могъ не кончить за упокой; его статья оканчивается слѣдующими словами: «Таковы ближайшія мѣры, но сверхъ всёхъ этихъ и многихъ иныхъ (?) мѣръ, необходимы самыя серьезныя усилія для поддержки еврейской эмиграціи изъ Россіи. Сколько ни разсуждайте, есть одно національное, выработанное исторіей средство рѣшенія еврейскаго вопроса: исходъ изъ Египта, разсѣяніе».

Легко предчувствовать возраженіе противъ выставленнаго мною положенія, что только освобожденіе евреевъ отъ спеціального, направленнаго противъ нихъ, законодательства можетъ повести къ разрушенію еврейской обособленности. Если эмансипація поведетъ къ разложенію юдаизма и самаго еврейства, къ претворенію его въ остальномъ населеніи, то какъ объяснить, что сами евреи такъ страстно хлопочутъ объ этой эмансипаціи? Самый простой на это отвѣтъ, конечно, тотъ, что народы, племенные группы и даже отдѣльныя лица, никогда, можно сказать, не отказываются отъ непосредственнаго, ближайшаго блага въ предвидѣніи тѣхъ болѣе или менѣе отдаленныхъ послѣдствій, къ которымъ приведетъ лишеніе другихъ, хотя-бы и цѣнныхъ, но не столь ощутимыхъ благъ. Но въ данномъ случаѣ самъ собой возникаетъ еще вопросъ, заключается-ли благо для евреевъ въ возможности оставаться вѣчно оторванными отъ другихъ народовъ, быть чужаками среди своихъ согражданъ ради идеальной цѣли, чтобы самихъ себя сознать избраннымъ племенемъ, единственными подлинными сынами Божиими. Съ идеальной точки зрѣнія, это, конечно, могло-бы почесться благомъ, но съ практической

повседневной точки зрѣнія такое положеніе должно быть признано не только грустнымъ, но даже во многихъ отношеніяхъ прямо нестерпимымъ. Не нужно быть пророкомъ, чтобы утверждать съ полною увѣренностью, что въ тотъ моментъ, когда еврейская религія будетъ признана честно, безъ оговорокъ, равноправною съ другими религіями, когда исповѣданіе юдаизма и приверженность къ нему перестанутъ имѣть характеръ извѣстнаго рода геройства, сопряженнаго съ униженіями и страданіями, евреи станутъ относиться къ своему вѣроисповѣданію совершенно такъ-же, какъ христіане различныхъ толковъ къ своему; останутся люди, глубоко и искренно вѣрующіе, ожидающіе съ увѣренностью прихода Мессіи, будутъ даже появляться фанатики, которые на этой идеѣ будутъ строить всякіе воздушные замки; но большинство, конечно, будетъ относиться къ своей вѣрѣ ни тепло, ни холодно, а люди, научно образованные, такъ называемые интеллигенты, болѣе или менѣе индифферентно или скептически, какъ, впрочемъ, и теперь, съ прекращеніемъ варварскаго характера репрессій, многіе изъ нихъ относятся. И какая бѣда для насъ, инако вѣрующихъ, въ томъ, если-бъ даже большинство евреевъ сохранило въ неприкосновенности свою религію и вѣрило въ пришествіе Мессіи, который доставитъ имъ владычество надъ всѣми народами земли? Это, казалось-бы, даже хорошо, что они, точно придерживаясь своей вѣры, не могутъ ожидать этого владычества ранѣе его пришествія, а потому должны вѣрить, что всѣ ихъ стремленія къ этой цѣли, до положеннаго Богомъ времени, тщетны.

Я не только думаю, но увѣренъ, что если-бъ дали сегодня полное равноправіе евреямъ, то лѣтъ черезъ 10—15 и слѣда не останется отъ ихъ пресловутой солидарности между собой, и что они не болѣе будутъ отличаться отъ своихъ русскихъ, польскихъ, татарскихъ согражданъ, чѣмъ какіе-нибудь итальянцы или греки, не говоря уже объ армянахъ и другихъ южныхъ и восточныхъ народахъ. Конечно, на это тотчасъ возражать, что за эти 10—15 лѣтъ русскимъ придется очень ужъ тяжело, и что они рискуютъ подверг-

нутыя такимъ ужасамъ, какихъ не испытали и во времена татарскаго нашествія. Можно быть убѣжденнымъ заранѣе, что страхи эти, основанные на унижительномъ для насъ представленіи о безсиліи русскихъ передъ еврейскимъ практическимъ геніемъ, крайне и даже намѣренно преувеличены, и что рѣшительно ничего страшнаго не будетъ; напротивъ, авось нашъ братъ русскій проснется и перестанетъ возводить обломовщину въ идеалъ жизни, а тѣ многочисленные русскіе, которые и теперь работаютъ, тѣ русскіе, которые наживаютъ и теперь деньги, будутъ продолжать работать, будутъ и деньги наживать. Развѣ-что послѣдняя категорія, т. е. наживающихъ деньги, должна будетъ серьезно считаться съ новою конкуренціею, и ихъ барыши временно, можетъ быть, уменьшатся. Но я спрашиваю, въ чемъ же тутъ бѣда для страны? Когда говорятъ о томъ, что во Франціи, въ Германіи евреи заѣли, то нужно всегда помнить, для кого они, главнымъ образомъ, оказались опасными, какъ конкуренты: для крупной буржуазіи, для среднихъ и отчасти высшихъ интеллигентныхъ круговъ, т. е. въ области адвокатуры, журналистики, профессуры, врачебной, аптекарской спеціальностей. Для крестьянъ, рабочихъ и мелкой городской буржуазіи они не только оказались безопасными, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, несомнѣнно, даже прямо полезными... Я позволяю себѣ, однако, главнымъ образомъ обратить вниманіе на то, что, по моему убѣжденію, только повсемѣстное, т. е. въ томъ числѣ и въ Россіи, на территоріи которой обитаетъ болѣе половины всѣхъ евреевъ, признаніе за ними равноправія и приличное, а не исключительно-презрительное отношеніе къ ихъ религіи, къ ихъ вѣрованіямъ сдѣлаетъ изъ евреевъ добрыхъ гражданъ всѣхъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ они обитаютъ.

Постараемся теперь разсмотрѣть не только то, что предлагается антисемитами для борьбы съ еврейскимъ зломъ, но и тѣ мѣры, которыя фактически осуществляются въ этой борьбѣ, и ихъ практическія послѣдствія. Вѣдь если будетъ доказано, что какъ предложенія, такъ и фактическія мѣры,

въ лучшемъ случаѣ, не ведутъ ни къ чему или ведутъ прямо къ отрицательнымъ результатамъ, то мои мечты окажутся, пожалуй, болѣе осуществимыми, болѣе близкими къ истинѣ, чѣмъ примѣняемыя настойчиво политиками-практиками мѣры.

Я не буду, конечно, останавливаться на разборѣ предложеній такого калибра, какъ то, чтобы перерѣзать или передавить всѣхъ евреевъ, которые не согласятся выѣхать изъ предѣловъ Россіи или же креститься: такія предложенія имѣютъ характеръ весьма мрачной шутки дурного тона, страдающей притомъ полнымъ отсутствіемъ самаго элементарнаго остроумія. Приведенное мною выше предложеніе антисемита о необходимости самыхъ серьезныхъ усилій для поддержки еврейской эмиграціи изъ Россіи, не являясь его собственнымъ изобрѣтеніемъ, такъ какъ часто повторялось и ранѣе, можетъ показаться, напротивъ, на первый взглядъ чѣмъ-то серьезнымъ, на практикѣ исполнимымъ. Правда, заключительная фраза статьи относительно «вырабстаннаго исторією національнаго средства рѣшенія еврейскаго вопроса, т. е. исходъ изъ Египта—разсѣяніе», нѣсколько портитъ впечатлѣніе, придавая и этому предложенію тонъ злой шутки въ серьезномъ дѣлѣ. Но все-же, повторяю, оно можетъ показаться съ перваго взгляда достойнымъ, по крайней мѣрѣ, обсужденія. Однако при первой попыткѣ серьезно отнестись къ приведеннымъ выше словамъ, къ заключающемуся въ нихъ предложенію, каждый сейчасъ-же убѣдится, что оно, въ сущности, сводится къ фразѣ, лишенной всякаго практическаго значенія.

Дѣйствительно, принявъ число русскихъ евреевъ равнымъ для круглаго счета 7 милліонамъ (ихъ можетъ быть немного меньше, а вѣрнѣе—даже на полмилліона больше) и считая естественный приростъ населенія, т. е. превышеніе рождаемости надъ смертностью, равнымъ у евреевъ, приблизительно, хотя бы 2% въ годъ, увидимъ, что для того только, чтобы въ Россіи число евреевъ не увеличивалось, а оставалось неизмѣннымъ, потребуется ежегодная эмиграція въ 140.000 чело-вѣкъ; но такъ какъ такой размѣръ эмиграціи, несмотря на колоссальность цифры, горю антисемитовъ не поможетъ, то

приходится желать такой эмиграціи, которая достигла-бы по крайней мѣрѣ 200 или даже 250 тысячъ евреевъ въ годъ. Вѣдь даже и въ послѣднемъ случаѣ желаемое разсѣяніе будетъ достигнуто только черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, и притомъ если «усилія для поддержки эмиграціи» будутъ при-мѣняться все время, конечно, съ неослабѣвающей энергіей. Въ чемъ должны состоять, по мнѣнію сторонниковъ всякихъ энергическихъ мѣръ, эти «усилія»—можно себѣ представить, какъ можно представить и то, насколько они будутъ содѣйствовать развитію уваженія къ русскимъ порядкамъ, къ этическому облику русскаго народа въ глазамъ всего цивилизованнаго міра. Но оставимъ эти размышленія въ сторонѣ: какъ извѣстно, сторонники радикальныхъ, героическихъ мѣръ въ политикѣ готовы не останавливаться ни передъ чѣмъ, ссылаясь на принципъ римской государственности *salus rei publicae suprema lex esto*, и готовы прикрывать этимъ принципомъ всякую, выражаясь грубо, гнусность и всякое насиліе. Дозволено, однако, спросить, подумали-ли вообще господа, проектирующіе выселеніе въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, о практическихъ способахъ этого выселенія? Подумали-ли хоть минуту о томъ, сколько потребуется ежегодно лишнихъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, пароходовъ и т. д., сколько потребуется новыхъ чиновниковъ, чтобы сколько-нибудь организовать дѣло или даже только слѣдить за его исполненіемъ? Вообще, во что обошлось-бы странѣ это выселеніе и на кого легли-бы расходы по этому гениальному предпріятію, помимо тѣхъ суммъ, которыя, по необходимости, должны быть вывезены эмигрантами изъ страны. Или, можетъ быть, заранѣе предполагается, одновременно съ высылкою, организовать похитрѣе ограбленіе высылаемыхъ для возмѣщенія Россіи убытковъ? Ну, а другія страны, куда будетъ направляться этотъ невиданный по величинѣ и продолжительности эмиграціонный потокъ, станутъ, вѣроятно, съ величайшимъ добродушіемъ, съ благосклонною улыбкою и съ тихою радостью наблюдать за «разсѣяніемъ», спокойно смотрѣть на прибытіе къ нимъ жертвъ россійскихъ патріотическихъ экспериментовъ, а можетъ быть

даже принимать ихъ въ свою среду съ нескрываемымъ восторгомъ?

Но нужно-ли продолжать разборъ этой поистинѣ утопической фантазіи, которая по исполнимости, откровенно говоря, не многимъ отличается отъ болѣе суроваго проекта вырѣзать или перетопить всѣхъ «жидовъ», а также и отъ другого неприличнаго, по своей циничности, проекта искусственно понизить или даже совершенно прекратить рождаемость дѣтей среди евреевъ. Я хотѣлъ только показать, насколько осторожно и съ оправдываемой предубѣжденностью слѣдуетъ относиться ко всякимъ цвѣтистымъ фразамъ, съ поразительною легкостью выбрасываемымъ, когда дѣло касается, столь, поистинѣ, тяжеловѣснаго вопроса, какъ еврейскій, а кромѣ того, кстати напомнить, что «усилія для поддержки еврейской эмиграціи» давно и съ нескрываемымъ усердіемъ прилагаются, по мѣрѣ возможности, въ Россіи, въ видѣ всяческихъ стѣсненій и даже прямо гоненій и погромовъ, имѣющихъ несомнѣнною цѣлью не только оградить другія народности отъ евреевъ, но и сдѣлать для нихъ жизнь настолько нестерпимою и горькою, что поневолѣ имъ приходится подумать, какъ-бы обратиться изъ своего отечества на свѣжій воздухъ. Если и получаютъ не тѣ практическіе результаты, которые были-бы столь желательны антисемитамъ, то виновно въ этомъ, конечно, не наше правительство, не наше законодательство, но самая логика явленій, неумолимая практика жизни. Если еврей-пауперь не покидаетъ «гостепріимныхъ» для него предѣловъ Россіи, своей доброй для него родины, то не дѣлаетъ этого онъ не потому, чтобы ему нравилась его жизнь здѣсь, а потому, что онъ, помимо естественной у всякаго человѣка привязанности къ родному очагу, не можетъ этого сдѣлать, если-бы и хотѣлъ.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ откровенно признать, что радикальные способы рѣшенія еврейскаго вопроса, придумываемые смѣлыми въ проектированіи ихъ антисемитами, слѣдуетъ признать откровенно непримѣнимыми, и самые разговоры о нихъ, какъ явно пустые, оставить.

Итакъ, обратимся къ разсмотрѣнiю тѣхъ мѣръ государственной власти, которыя имѣютъ цѣлью если не разрѣшить, то хоть регулировать еврейскiй вопросъ, и посмотримъ, ведутъ ли эти мѣры, дѣйствительно, къ намѣчаемымъ ими цѣлямъ, или же достигаютъ какихъ-либо иныхъ, непредвидѣнныхъ ихъ составителями.

III.

На первомъ планѣ этихъ мѣръ, несомнѣнно, стоитъ установленіе нашимъ законодательствомъ преслѣвutoй черты еврейской осѣдлости. Эта мѣра въ корнѣ своемъ, несомнѣнно, имѣетъ ту-же идею, какъ и средневѣковое гетто, съ тою, конечно, существенной разницей, что російское гетто, какъ и подобаеть Россіи, занимающей $\frac{1}{6}$ часть обитаемаго пространства нашей планеты, представляется невиданныхъ въ исторіи размѣровъ, хотя, благодаря ряду дополнительныхъ законодательныхъ мѣръ, обширность этого гетто, называемаго чертою осѣдлости, значительно сокращается, приближаясь даже по своимъ размѣрамъ къ своему знаменитому праобразу, принимая, конечно, во вниманіе разницу во всѣхъ пропорціяхъ.

Основная идея средневѣковаго, да и нашего современнаго російскаго гетто ясна: изолировать, по возможности, вредное племя въ интересахъ, прежде всего, благополучія остальнаго населенія, а затѣмъ въ видахъ болѣе дѣйствительнаго и легкаго надзора за преступною дѣятельностью «эксплуаторской» расы, какъ наиболѣе практическій для достиженія этихъ цѣлей способъ. Во всякомъ случаѣ, въ основу установленія черты осѣдлости и выдѣленія въ ней самой еще запретныхъ областей (нынѣ запретна для евреевъ вся территорія въ самой чертѣ осѣдлости внѣ городовъ и мѣстечекъ), несомнѣнно, положена идея необходимости обособленія евреевъ; идеаломъ въ этомъ отношеніи должно представляться для антисемита такое положеніе, при которомъ евреи, загнанные въ отведенныя для нихъ закономъ опредѣленные мѣста, варились-бы въ собственномъ соку, не приходя, по возможности, ни въ какое дѣловое или культурное соприкосновеніе съ христіанами, особенно съ наименѣе экономически-сильными элементами хри-

стіанскаго населенія, т. е. съ крестьянами. Тутъ будетъ кстати вспомнить слова извѣстнаго знатока еврейскаго вопроса, Оршанскаго: «Искусственно воздвигать китайскія стѣны между отдѣльными мѣстностями или сословіями и въ то-же время вопіять о вредѣ разрозненности и необходимости единства въ государствѣ — верхъ глупости, когда это дѣлается по непониманію, или недобросовѣстности, когда возгласы эти дѣлаются съ предвзятою мыслью возбужденія взаимной вражды и тому подобными цѣлями. Только тогда, когда человѣку дана полная возможность быть на дѣлѣ гражданиномъ страны, жить общею народною жизнью, а онъ предпочитаетъ замыкаться въ свою допотопную раковину и преслѣдовать мелкіе эгоистическіе интересы — только тогда мы можемъ съ полнымъ правомъ бросить ему въ лицо упрекъ въ изолированности и серьезно говорить о вредности такого элемента населенія» *).

Я думаю, что подъ этими словами подпишется всякій добросовѣстный человѣкъ; антисемитамъ-фанатикамъ слѣдуетъ только предложить забыть на время, что слова эти сказаны по поводу евреевъ, и примѣнить выраженную въ нихъ мысль не къ евреямъ, а къ кому-либо другому.

Заподозривать наше законодательство въ недобросовѣстности положительно нѣтъ никакихъ основаній, также, какъ никто не осмѣлится назвать составителей нашихъ законовъ людьми глупыми. Слѣдовательно, признавая вѣрность выставленнаго Оршанскимъ труизма, нельзя не признать, что установленіемъ черты осѣдлости наше законодательство имѣло несомнѣнно въ виду обособленіе евреевъ. Достигается ли на дѣлѣ этимъ жестокимъ способомъ поставленная себѣ правительствомъ цѣль?

Я думаю, что нужно быть весьма далекимъ отъ жизни, не зная совершенно Россіи, чтобы утвердительно отвѣтить на этотъ вопросъ; я думаю, что трудно было-бы указать не только ту губернію, но даже тотъ городъ внѣ черты осѣд-

*) И. Г. Оршанскій. Русское законодательство о евреяхъ. Спб., 1877 г. стр. 99.

лости, въ которыхъ не проживали бы евреи. Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, пунктѣ согласятся со мною все антисемиты. Конечно, они будутъ утверждать, что случилось это потому, что законъ, во-первыхъ, предоставилъ евреямъ «лазейки», дающія имъ возможность выбраться изъ своего гетто, а во вторыхъ, что законъ плохо исполняется, по пословицѣ «законы святы, да исполнители злые супостаты». О пресловутыхъ лазейкахъ я скажу ниже. Что же касается плохого исполненія закона, то слѣдуетъ откровенно сказать, что самый законъ оказался на практикѣ, и притомъ съ полною очевидностью, настолько неудовлетворительнымъ и поведшимъ къ такимъ неожиданнымъ, для составителей его результатамъ, что чудомъ является не то, что онъ плохо исполняется, а чудомъ было-бы, если-бы онъ исполнялся въ точности.

Для насъ важно установить тотъ фактъ, что по признанію самихъ враговъ еврейства, направленный противъ нихъ законъ не достигаетъ поставленной при его изданіи цѣли или, по крайней мѣрѣ, плохо достигаетъ ее. Но зато нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ достигъ результатовъ, совершенно не имѣвшихся въ виду его составителями. Прежде всего, онъ обратилъ нѣсколько милліоновъ подданныхъ (гражданами, по всей справедливости, нельзя назвать людей, лишенныхъ гражданскихъ правъ) російскаго государства въ людей недовольныхъ, въ значительной части, — въ людей даже прямо озлобленныхъ противъ правительства и противъ существующаго строя; эта, не имѣвшаяся въ виду, цѣль достигнута дѣйствительно блестящимъ образомъ и несомнѣнно уже гораздо лучше, чѣмъ прямая, имѣвшаяся въ виду, т. е. обезвреженіе евреевъ для остальнаго населенія. Съ другой стороны, поставивъ искусственно евреевъ въ альтернативу или умирать съ голоду, медленно гнѣя въ чертѣ осѣдлости, или попытаться обойти законъ, существованіе этого самаго закона приучило ихъ добиваться всѣми силами и всѣми доступными имъ средствами его обхода. Какъ и можно было ожидать, результаты этихъ стараній получились поистинѣ блестящіе: евреи прекрасно научились искусству обходить законъ, когда

это имъ необходимо и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ это физически или матеріально возможно. Но кромѣ того, въ этомъ исполнѣ естественномъ для нихъ, при нынѣшнемъ беззаконномъ положеніи, занятіи, они успѣли основательно развратить администрацію и въ частности полицію, забираясь иногда при этомъ весьма высоко по административной лѣстницѣ. Этотъ второй, достигнутый вопреки желанію составителей законодательства о евреяхъ, результатъ, а именно глубокая деморализація русскаго административнаго персонала, имѣющаго дѣло съ ними, представляется особенно знаменательнымъ.

Дѣйствительно, въ стараніяхъ спасти русскихъ людей отъ дурнаго вліянія евреевъ правительство оказало своими ограничительными законами невиданную услугу въ крайне сомнительномъ дѣлѣ развращенія своихъ собственныхъ агентовъ. Кажется, нельзя было-бы изобрѣсти, даже усердно постаравшись, лучшей школы взяточничества и административнаго произвола, чѣмъ ту, которую создало наше законодательство, установивъ черту осѣдлости евреевъ прежде всего, а затѣмъ и другія ограничительныя правила, направленные противъ этого племени. Ни для одного мало-мальски образованнаго русскаго не составляетъ секрета, что десятки, а можетъ быть и сотни тысячъ евреевъ оплачиваютъ услуги русской полиціи, состояція въ томъ, что она съвозъ пальцы смотритъ на нарушенія евреями дѣйствующаго закона и даже помогаетъ наиболѣе щедрымъ изъ нихъ или наиболѣе нуждающимся въ ея услугахъ найти легчайшіе способы его обхода. Конечно, и тутъ антисемиты всю вину сваливаютъ на евреевъ, видя въ подкупѣ полиціи специфическую ихъ повадку, особенную испорченность, но вѣдь и тутъ, какъ и во многомъ другомъ, при разсмотрѣніи, такъ называемаго, еврейскаго вопроса, мы наталкиваемся на заколдованный кругъ, если даже согласиться съ врагами Израіля, что евреи считаютъ подкупъ явленіемъ нормальнымъ, то все-же получается такая картина, что евреи специалисты по подкупу, а потому они портятъ полицію, а такъ какъ полиція у насъ испорченная, то евреи ее подкупаютъ. Пусть моралисты подумаютъ о

томъ, что когда на шею человѣка натянута глухая петля, то у кого явится рѣшимость обвинять его въ томъ, что онъ продѣлъ въ нее руку, чтобы спастись отъ удушенія, если ему счастливо удастся подкупить исполнителя приговора?

Слыхали-ли читатели о примѣрахъ такого рода, когда молодыя еврейскія дѣвушки, пріѣхавшія держать экзамень въ петербургское учебное заведеніе, не имѣя права жительства въ столицѣ до поступленія въ это заведеніе, должны были проводить ночи на скамейкѣ въ Александровскомъ паркѣ, охраняемыя своими родственниками, или всю ночь разгуливать по улицамъ? Кто осмѣлится обвинить такую дѣвушку или ея близкихъ, ея знакомыхъ въ томъ, что они подкупили полицію, чтобы дать ей возможность проспать непрописанною нѣскольکو ночей въ домѣ, на кровати? Кто осмѣлится обвинить еврея, имѣющаго на основаніи своего диплома право жительства за предѣлами черты осѣдлости, когда онъ, чтобы дать своему старому отцу или старухѣ-матери возможность проживать тамъ, гдѣ они всегда и раньше жили, подкупаетъ полицію, чтобы она фиктивно прописала его родителей, какъ-бы живущими при немъ, хотя-бы въ дѣйствительности онъ проживалъ въ другомъ городѣ?

Вѣдь ясно, что тутъ виноваты не они, не евреи, борющіеся съ несправедливымъ и жестокимъ закономъ, а виноватъ самъ законъ, требующій отъ нихъ невозможнаго, грубо ломающій жизнь, не обращая вниманіе на самыя естественныя потребности, на самыя святыя человѣческія чувства. Полицейскій чинъ, давъ подкупить себя, въ приведенныхъ мною случаяхъ, стоитъ неизмѣримо ближе къ жизни, чѣмъ законъ, и гораздо гуманнѣе его: онъ видитъ, что и дѣвушки, о которыхъ я говорилъ, и старики нуждаются въ обходѣ закона, что прямо безчеловѣчно примѣнять его къ нимъ во всей строгости и безъ всякихъ видимыхъ причинъ, а тутъ еще даютъ за это деньги, «благодарность», взятку. Положительно можно сказать, что взятка является если не болѣе нравственнымъ, то навѣрное болѣе гуманнымъ, болѣе «христіанскимъ» дѣломъ, чѣмъ строгое исполненіе служебнаго долга.

Но одна принятая «благодарность» роковымъ образомъ влечетъ за собою рядъ другихъ и иногда, накопляясь, эти взятки достигаютъ такихъ суммъ, что во много разъ превосходятъ получаемое полицейскимъ чиномъ содержаніе. Не даромъ такъ распространены легендарные рассказы о томъ, что приставовъ и полицейскихъ надзирателей переводятъ въ награду въ такія части городовъ, въ которыхъ особенно густо ютятся евреи, или о томъ, что нѣкоторые чины полиціи, на собранныя съ евреевъ деньги, возвели по нѣсколько собственныхъ домовъ... Этого ли хотѣло достигнуть правительство, установивъ для евреевъ черту осѣдлости?

IV.

Теперь перехожу къ тѣмъ законнымъ способамъ, которые имѣются у евреевъ для пріобрѣтенія права проживать внѣ черты русскаго гетто.

До царствованія императора Александра II никто изъ евреевъ не имѣлъ права на постоянное жительство внѣ черты еврейской осѣдности. Дозволенъ былъ евреямъ только временный пріѣздъ для опредѣленныхъ цѣлей и съ разрѣшенія полицейскихъ и административныхъ властей. Но отчасти практическія потребности, отчасти стремленія къ постепенному сліянію евреевъ съ кореннымъ населеніемъ побудили правительство, начиная съ 1859 г., разновременно даровать нѣкоторымъ категоріямъ евреевъ право проживать повсемѣстно въ Россіи. Такими категоріями оказываются: 1) купцы 1-ой гильдіи; 2) лица съ извѣстнымъ образованіемъ; 3) ремесленники и, наконецъ, 4) нѣкоторые нижніе чины*).

16-го марта 1859 г. получило Высочайшее утвержденіе мнѣніе Государственнаго Совѣта, послѣдовавшее по представленію министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, о представленіи евреямъ-купцамъ 1-ой гильдіи права жительства и торговли внѣ черты постоянной осѣдности евреевъ. По этому предмету въ законѣ сказано: Евреямъ-купцамъ 1-ой гильдіи, какъ Россійской Имперіи, такъ и губерній Царства Польскаго, не состоящимъ подъ слѣдствіемъ, судомъ или надзоромъ полиціи и не опороченнымъ судебнымъ приговоромъ, дозволяется приписываться на общемъ основаніи, и внѣ черты ихъ постоянной осѣдности, въ купечество же первой гильдіи по всѣмъ вообще городамъ Россійской Имперіи, а равно Закавказью, съ тѣмъ, чтобы правомъ симъ пользовались: 1) тѣ

*) Мышъ. Руководство къ русскимъ законамъ о евреяхъ. Изд. 3, 1904 г. стр. 141.

еврей, кои, состоя до 16-го марта 1859 г. въ первой гильдіи пробывли или пробудутъ въ оной не менѣ двухъ лѣтъ, 2) тѣ еврей, кои, получивъ купеческое свидѣтельство 1-ой гильдіи послѣ 16 марта 1859 г., будутъ состоять въ оной не менѣ пяти лѣтъ; перечисляющіеся на семь основаніи въ вышеозначенные города еврей-купцы 1-ой гильдіи могутъ переходить туда съ членами своихъ семействъ, внесенными въ одно съ ними свидѣтельство.

Дарованное евреямъ съ 1859 г. право на причисленіе къ купечеству первой гильдіи всѣхъ городовъ Россійской Имперіи не распространяется, однако, на города 50-верстной пограничной полосы западныхъ губерній и губерніи Бессарабской, на города казачьихъ областей, на нѣкоторые другіе города и на Финляндію.

Причисляющіеся въ лежащіе внѣ черты еврейской осѣдлости города, еврей-купцы первой гильдіи могутъ, по закону, брать съ собою приказчиковъ и домашнюю прислугу изъ евреевъ-же, но лишь въ опредѣленномъ числѣ, соблюдая въ этомъ отношеніи слѣдующія правила: 1) переселяющіеся въ обѣ столицы должны въ особыхъ прошеніяхъ, подаваемыхъ градоначальнику или генералъ-губернатору, объяснять, какое именно число приказчиковъ и прислуги изъ евреевъ имъ необходимо имѣть при себѣ по переселеніи въ столицу и по какимъ именно уваженіямъ; разрѣшеніе этихъ просьбъ и назначеніе этого числа предоставляется ближайшему усмотрѣнію градоначальника и генералъ-губернаторовъ по принадлежности; 2) приписывающіеся же къ прочимъ затѣмъ городамъ Имперіи еврей-купцы могутъ брать съ собою изъ своихъ единовѣрцевъ не болѣе одного приказчика или конторщика и 4 обоюго пола служителей на каждое семейство переселяющагося еврей-купца. Въ случаѣ выбытія по какимъ-бы то ни было причинамъ изъ 1-ой гильдіи купцовъ-евреевъ, переселившихся на вышеизложенныхъ основаніяхъ, они обязаны возвратиться со своими семействами и состоящими при нихъ изъ ихъ единовѣрцевъ приказчиками и служителями въ мѣста постоянной осѣдлости евреевъ: не пріобрѣвшій въ тѣхъ городахъ, къ

коимъ они были по переселеніи причислены, недвижимой собственности — въ теченіе года, пріобрѣвшіе оную—не далѣе двухъ лѣтъ; по прошествіи этихъ сроковъ они возвращаются въ мѣста прежняго ихъ жительства по распоряженію полиціи*).

Первоначальный смыслъ стоящей на первомъ мѣстѣ въ числѣ брешей, продѣланныхъ въ законѣ о чертѣ еврейской осѣдности, ясенъ: человѣкъ, приносящій лично и непосредственно значительный доходъ казнѣ, выпускается правительствомъ изъ гетто; онъ какъ-бы покупаетъ у христіанскихъ своихъ владыкъ основное право всякаго гражданина избирать мѣсто своего жительства въ обширномъ своемъ отечествѣ и право, хотя и ограниченное, передвиженія въ немъ. Покупается это право довольно дорого, такъ какъ свидѣтельство первой гильдіи обходится обладателю его отъ 500 р. до 1.500 р. въ годъ прямого личного налога. Такъ какъ для того, чтобы воспользоваться правами, даруемыми льготою, установленною для купцовъ первой гильдіи, требуется предварительное пребываніе въ ней въ теченіе 5 лѣтъ, то первоначальное право жительства внѣ черты осѣдности оцѣнено закономъ въ сумму нѣсколькихъ тысячъ рублей, а для того, чтобы не потерять этого купленного значительною цѣною права, еврей долженъ въ теченіе еще 10 лѣтъ нести въ казну прямого налога отъ 5.000 р. до 15.000 р., то можно сказать, что онъ за болѣе или менѣе значительную сумму, внесенную въ казну, пріобрѣтаетъ право жительства въ определенномъ мѣстѣ внѣ черты; для того же, чтобы имѣть право жить, гдѣ ему вздумается и гдѣ нужно, онъ долженъ продолжать платить по 500 р. или болѣе въ годъ и послѣ этихъ сроковъ.

Такая возможность выкупиться изъ гетто, уплачивая болѣе или менѣе значительныя суммы своему суверену, существовала всюду въ Европѣ въ средніе вѣка и явленіе это, какъ видимъ, повторилось съ неумолимою историческою логикою и у насъ. Впрочемъ, у насъ, въ Россіи, кромѣ чисто фискальныхъ соображеній при изданіи закона о правахъ ев-

*) Мышь. Названное сочиненіе, стр. 144 по 157.

реевъ-купцовъ первой гильдіи, играли роль и мотивы иного свойства. Въ самомъ дѣлѣ, лицо, имѣющее возможность платить, кромѣ всякихъ другихъ, довольно многочисленныхъ податей и сборовъ, 500 р. прямого налога, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу людей весьма состоятельныхъ. Такое лицо, очевидно, еще легче другого могло-бы купить себѣ посредствомъ взятокъ возможность выбратся изъ гетто, а потому, давъ ему право, за установленную сумму взносовъ, выйти изъ него на законномъ основаніи, правительство понимало, что оно не измѣняетъ самаго факта, а только легализируетъ его и притомъ не безъ профита для казны. Профитъ этотъ, получаемый отъ выборки евреями свидѣтельствъ первой гильдіи, въ общей суммѣ государственнаго хозяйства не Богъ вѣсть какой большой, такъ какъ ереевъ первой гильдіи числится въ Россіи не такъ ужъ много, чтобы ихъ взносы играли роль въ нашемъ бюджетѣ, но, конечно, съ оборотовъ ихъ торговли и т. п. получается несравненно большій доходъ въ казну, такъ что прибыль отъ ереевъ, причисленныхъ къ первой гильдіи, представляетъ собою, конечно, въ общемъ довольно внушительную цифру.

Число ереевъ, уплачивающихъ свидѣтельства первой гильдіи, въ сущности, не велико сравнительно съ количествомъ народонаселенія въ Россіи; даже если удесятерить или помножить, ради осторожности, это число на 20, принявъ во вниманіе семь первогильдейцевъ, ихъ личную прислугу и приказчиковъ, то все-таки получится такая цифра ереевъ, которая составитъ лишь незначительную долю процента населенія страны. Такимъ образомъ, эта первая брешь, пробитая въ крѣпостной стѣнѣ російскаго гетто, не является особенно значительною. Конечно, дѣйствительное, практическое значеніе уступки, въ системѣ предохраненія остального населенія отъ внѣдренія въ него іудеевъ, далеко не соотвѣтствуетъ цифровымъ даннымъ, и антисемиты, оставаясь вѣрными своей ненависти къ сынамъ Израиля, въ данномъ случаѣ не напрасно приходятъ въ сильное возбужденіе, указывая на заполненіе первой гильдіи евреями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на

ихъ экономическія побѣды въ области русской торговли и промышленности. Ясно для всякаго, что и въ данномъ случаѣ наше законодательство оказалось мало практичнымъ, мало сообразительнымъ, открывъ евреямъ возможность экономического воздѣйствія на христіанское населеніе, отъ какового оно такъ, казалось, ловко и ревниво оберегло его закономъ о чертѣ осѣдлости. Но таковы уже, видно, роковыя послѣдствія законодательства, основаннаго не на юридическихъ принципахъ, не на правовой этикѣ, а на подлаживаніи къ сомнительнымъ практическимъ цѣлямъ. Поправить дѣло, какъ совѣтуютъ антисемиты, водвореніемъ всѣхъ евреевъ первой гильдіи обратно за черту осѣдлости, было-бы, однако, весьма мудрено: это понахиваетъ такими миллионными убытками для самой Россіи, такимъ торговымъ кризисомъ, на возбужденіе котораго правительство никогда не рѣшится, хотя-бы въ угоду очень могущественнымъ антисемитамъ. Сказаннымъ я не думаю утверждать, чтобы дѣятельность еврейскихъ купцовъ первой гильдіи была вредна или наносила кому-либо, а тѣмъ болѣе всей Россіи, ущербъ. Я хотѣлъ только указать, что въ данномъ случаѣ, благодаря существующимъ ограничительнымъ для евреевъ законамъ, нашему законодательству пришлось сдѣлать рядъ отступленій отъ кореннаго принципа этихъ законовъ по практическимъ соображеніямъ, и первое же такое отступленіе, оказавшись въ полномъ противорѣчій съ самимъ принципомъ, естественно повело къ нарушенію системы въ самомъ ея основаніи.

Второю брешью, продѣланною самимъ правительствомъ въ стѣнѣ, отгородившей евреевъ отъ той огромной части Россіи, гдѣ имъ по закону проживать не полагается, являются права, даруемыя евреямъ за прилежаніе и успѣхи въ наукахъ. 27 ноября 1861 г. послѣдовало по представленію министра народнаго просвѣщенія Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о преимуществахъ евреевъ, получившихъ образованіе. Этимъ узаконеніемъ, въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ статей свода законовъ, постановлено, между прочимъ: еврей, имѣющіе дипломы на ученые степени

доктора медицины и хирургіи или доктора медицины, а равно дипломы на ученые степени доктора, магистра или кандидата по другимъ факультетамъ университета, допускаются на службу по всемъ вѣдомствамъ безъ ограниченія мѣста пребыванія ихъ чертою, для постоянной осѣдности евреевъ опредѣленною; имъ разрѣшается также постоянное пребываніе во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ имперіи для занятія торговлею и промышленностью. Лица эти во время пребыванія внѣ мѣсть, назначенныхъ для постоянной осѣдности евреевъ, могутъ имѣть при себѣ, кромѣ членовъ своего семейства, домашнихъ слугъ изъ своихъ единовѣрцевъ, но не болѣе двухъ. Этотъ же законъ былъ въ 1865, 1866 и 1867 г. распространенъ на евреевъ врачей, не имѣющихъ ученой степени доктора, а въ 1872 г. на евреевъ, окончившихъ курсъ ученія въ Петербургскомъ технологическомъ институтѣ. Наконецъ, Высочайшимъ повелѣніемъ 19 января 1879 г. предоставлено также право повсемѣстнаго жительства евреямъ: 1) окончившимъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ и медицинскихъ; 2) аптекарскимъ помощникамъ, дантистамъ, фельдшерамъ и повивальнымъ бабкамъ и 3) изучающимъ фармацію, фельдшерское и повивальное искусство*).

Въ Положеніи о евреяхъ 1804 г. содержится цѣлый отдѣлъ подъ заглавіемъ «О просвѣщеніи евреевъ». Уже здѣсь выражено общее начало, что всѣ дѣти евреевъ могутъ быть принимаемы и обучаемы безъ всякаго различія отъ другихъ дѣтей во всѣхъ російскихъ народныхъ училищахъ, гимназіяхъ или университетахъ. То-же подтверждено и въ Положеніи о евреяхъ 1835 г. Въ образованіи правительство видѣло залогъ нравственнаго перерожденія евреевъ и улучшеніе ихъ быта. Взглядъ этотъ ясно высказанъ въ именномъ указѣ 12-го ноября 1844 г. объ учрежденіи особыхъ училищъ для образованія еврейскаго юношества. Вотъ что говорится въ этомъ указѣ: для «распространенія между евреями гражданскаго образованія и доставленія имъ черезъ то надежнѣйшихъ спо-

*) Мышь, стр. 160 по 161.

собовъ пользоваться присвоенными ихъ состоянію выгодами, положеніями 1804 и 1835 г. г. повелѣно было допускать еврейское юношество въ общія учебныя заведенія Имперіи, но, къ сожалѣнію, мѣра эта не имѣла никакого успѣха; оставаясь постоянно въ той мысли, что образованіе и происходящее отъ того убѣжденіе въ пользѣ производительнаго труда должно содѣйствовать улучшенію быта евреевъ, Мы признали за благо обратить на это дѣло особое вниманіе и вслѣдствіе того поручили учредить комисеію, дабы опредѣлить мѣры къ водворенію между евреями нужныхъ для ихъ благосостоянія свѣдѣній».

Такимъ образомъ, законодатель считалъ образованіе евреевъ настолько важнымъ дѣломъ, что призналъ за благо обратить на него особенное вниманіе, выразивъ въ концѣ приведеннаго указа надежду, что «это новое доказательство заботливости Нашей о нравственномъ улучшеніи состоянія евреевъ побудитъ ихъ содѣйствовать и съ своей стороны всѣми зависящими отъ нихъ средствами къ исполненію предначертаній, клонящихся къ истинному ихъ благу». Въ силу этого указа за евреями не только сохранено было право обучаться во всѣхъ общихъ христіанскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но учреждены были особыя училища для вящаго ихъ привлеченія къ образованію.

По дѣйствующимъ законамъ, дѣти евреевъ могутъ быть принимаемы и обучаемы безъ всякаго различія отъ другихъ дѣтей въ общихъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и частныхъ училищахъ и пансіонахъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ жителство отцамъ ихъ дозволено*).

Но это общее правило въ настоящее время существенно ограничено; поэтому въ примѣчаніяхъ къ этой статьѣ и выражено: правила объ ограниченіи приѣма евреевъ въ нѣкоторыя учебныя заведенія изложены въ уставахъ сихъ заведеній и особыхъ узаконеніяхъ. Дѣло въ томъ, что въ іюль 1887 г. министръ народнаго просвѣщенія обратился къ попечителямъ учебныхъ округовъ съ циркуляромъ, въ которомъ объ-

*) Ст. 787, т. 9 зак. о сост., изд. 1899 г.

яснено, что Высочайше утвержденными 3 декабря 1886 г. и 20 июня 1887 г. положениями предоставлено министру народного просвѣщенія право ввести, признаваемые имъ необходимыми, мѣры къ ограниченію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ числа учениковъ изъ дѣтей евреевъ. Вслѣдствіе этого, въ видахъ болѣе «нормальнаго» отношенія числа учениковъ евреевъ къ количеству учениковъ христіанскихъ исповѣданій, признано нужнымъ ограничить число учениковъ изъ дѣтей евреевъ въ мѣстностяхъ, входящихъ въ черту постоянной осѣдлости ихъ, 10⁰/₀, а въ другихъ мѣстностяхъ внѣ этой черты 5⁰/₀, въ С.-Петербургѣ же и Москвѣ 3⁰/₀ всѣхъ учениковъ каждаго средняго учебнаго заведенія, гимназіи, прогимназіи и реального училища. На этомъ основаніи сдѣлано распоряженіе, чтобы съ начала 1887—1888 учебнаго года въ среднія учебныя заведенія подлежащихъ учебныхъ округовъ дѣти евреевъ были принимаемы: въ мѣстностяхъ, находящихся въ чертѣ постоянной осѣдлости евреевъ, въ количествѣ 10⁰/₀, въ мѣстностяхъ внѣ этой черты въ количествѣ 5⁰/₀, а въ столицахъ 3⁰/₀ всего числа учениковъ, подлежащихъ приему въ началѣ каждаго учебнаго года, причемъ расчетъ процентовъ долженъ быть дѣлаемъ относительно общаго числа, какъ вновь поступающихъ учениковъ, такъ и переходящихъ изъ одного заведенія въ другое или изъ прогимназій въ гимназіи.

Итакъ, указанное ограниченіе приема евреевъ въ учебныя заведенія установлено въ видахъ болѣе «нормальнаго» отношенія числа учениковъ евреевъ къ количеству учениковъ христіанскихъ исповѣданій. Стало быть, признано ненормальнымъ, что евреи слишкомъ много учатся, то есть признано ненормальнымъ то, что въ теченіе 80 лѣтъ правительство старалось всячески водворить между евреями въ видахъ нравственнаго улучшенія ихъ состоянія. Указанное процентное ограниченіе евреевъ въ составѣ учащагося юношества распространено и на высшія учебныя заведенія, о чемъ мною будетъ сказано ниже*).

*) См. Мышь, стр. 356 по 361.

Изъ правила о томъ, что евреи могутъ быть принимаемы въ учебныя заведенія тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ жительство отцамъ ихъ дозволено, сдѣлано слѣдующее исключеніе: тѣмъ изъ евреевъ, которые, окончивъ гимназическій курсъ, получаютъ аттестаты и пожелаютъ приобрести высшее образованіе, дозволяется вступать для продолженія наукъ въ университеты, академіи и другія высшія учебныя заведенія по всей Имперіи, то же примѣнимо и къ евреямъ уроженцамъ губерній Царства Польскаго... Для нѣкоторыхъ категорій евреевъ ученіе обязательно: именно обученіе дѣтей евреевъ, купцовъ и почетныхъ гражданъ въ общихъ казенныхъ заведеніяхъ, а, гдѣ таковыхъ нѣтъ, въ еврейскихъ казенныхъ училищахъ, обязательно, съ тѣмъ, что евреямъ дозволяется, если они пожелаютъ, учреждать на свой счетъ при гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ особыя для своихъ дѣтей пансіоны. Но, при дѣйствиіи указаннаго выше процентнаго ограниченія пріема еврейскихъ дѣтей въ общія учебныя заведенія, соблюденіе правила объ обязательности образованія еврейскихъ дѣтей оказывается невозможнымъ въ отношеніи гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ. Отдавая дѣтей въ христіанскія училища, евреи обязаны объявлять о ихъ вѣрѣ подъ опасеніемъ взысканія, какъ за подлогъ. Вступившія въ училище дѣти евреевъ «не принуждаются» къ перемѣнѣ ихъ вѣры и не обязаны посѣщать тѣхъ уроковъ, въ которыхъ преподаются ученія христіанскому закону, причемъ евреямъ предоставляется обучать своихъ дѣтей закону вѣры по собственной ихъ волѣ въ училищахъ или у частныхъ учителей. (т. 9, изд. 1899 г. ст. 788 и 789)*).

Таковы главныя узаконенія и дополнительныя правила, касающіяся поступленія еврейской молодежи въ общія учебныя заведенія, начиная съ низшихъ и кончая высшими, причемъ съ полученіемъ аттестата объ окончаніи курса въ послѣднихъ для евреевъ соединено право повсемѣстнаго въ Россіи жительства.

*) Мышь, стр. 366—367.

Въ первой половинѣ XIX столѣтія наше законодательство, какъ мы видѣли, считало нужнымъ поощрять образованіе евреевъ, но дѣло это подвигалось туго. Нужно, впрочемъ, сказать, что и учебныхъ заведеній всѣхъ категорій было тогда мало, да и поступало въ нихъ сравнительно немного народу, и не только евреевъ, но и христіанъ. Только начиная съ эпохи великихъ преобразованій императора Александра II, стремленіе къ образованію начало расти съ необыкновенною быстротою и охватило все населеніе Имперіи, а въ томъ числѣ и евреевъ. Вслѣдъ за окончаніемъ университетскаго движенія 60-хъ годовъ XIX столѣтія число учащихся въ существовавшихъ уже учебныхъ заведеніяхъ постепенно и быстро стало расти, стали учреждаться и новыя учебныя заведенія. Наплывъ еврейской молодежи въ промежутокъ времени съ 1865 г. по 1886 г. возрасталъ ежегодно и, очевидно, началъ беспокоить правительство, а отчасти опредѣленно настроенную часть общества. Какъ извѣстно, въ царствованіе императора Александра III возобладали антисемитскія тенденціи, и притомъ не только въ высшихъ сферахъ, но и вообще въ публикѣ и можно даже сказать, отчасти во всей странѣ, въ которой національная великорусская политика государя встрѣтила живыя симпатіи и духовную поддержку. Этотъ подъемъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, русскаго патріотизма явился отчасти послѣдствіемъ счастливо законченной войны за освобожденіе братьевъ-славянъ отъ турецкаго ига. Учащаяся молодежь, а въ томъ числѣ и, можетъ быть, даже особенно еврейская, не только не принимала особенно рьянаго участія въ этомъ патріотическомъ подъемѣ, а, напротивъ, отчасти скорѣе противодействовала ему, втягиваясь притомъ все болѣе и болѣе въ антиправительственную дѣятельность. Я считаю преждевременнымъ вообще, специально же въ этомъ очеркѣ и ненужнымъ, разборъ любопытнѣйшей эпохи царствованія императора Александра III, но не могу не указать на одну изъ главныхъ причинъ перелома правительственной политики по отношенію къ признанному закономъ праву евреевъ на образованіе.

Еврейская молодежь своимъ политическимъ направлениемъ не могла внушить симпатій правительству, и вотъ, послѣ 20 лѣтъ поощренія ея къ поступленію въ учебныя заведенія, правительство какъ-бы пугается слишкомъ блестящихъ результатовъ своей по отношенію къ ней политики и рѣзко обрываетъ ее.

Какъ во всѣхъ мѣропріятіяхъ, касающихся евреевъ, мѣры, принятыя противъ еврейской молодежи, оказались, къ сожалѣнію, плохо обдуманнныи и по своимъ результатамъ — ъма неудачными. Исходя изъ того, что учебныя заведенія содержатся на общегосударственныя средства, иначе говоря, на всенародныя деньги, и принимая во вниманіе, что еврейское населеніе Россіи составляетъ не болѣе 5% общаго его числа, рѣшили, что по всей справедливости еврейскіе дѣти и юноши имѣютъ право претендовать на замѣщеніе не болѣе $\frac{1}{20}$ всѣхъ вакансій въ учебныхъ заведеніяхъ, содержащихся на общегосударственныя средства. Вотъ та формула, примѣненная въ общихъ чертахъ на дѣлѣ, конечно, съ разными уклоненіями въ обѣ стороны, т. е. начиная отъ полного воспрещенія приѣма евреевъ въ одни учебныя заведенія до увеличенія процента, равнявшагося въ нѣкоторыхъ случаяхъ 15 въ другихъ, которая показалась многимъ порядочнымъ и даже вдумчивымъ людямъ верхомъ справедливости и безпристрастія.

Итакъ, правительство какъ-бы говоритъ: „Считая присутствіе слишкомъ большого числа евреевъ въ школахъ вреднымъ для остальныхъ учениковъ, я допускаю ихъ въ ограниченномъ числѣ, въ той надеждѣ, что они тѣсно сольются со своими товарищами-христіанами и потеряютъ свои специфически вредныя качества. Число такихъ вредныхъ, но могущихъ быть исправленными христіанскою средою, семитовъ я устанавливаю въ зависимости отъ процентнаго отношенія еврейскаго элемента къ прочему населенію всей страны». Посмотримъ, какой результатъ получается изъ этого солонова рѣшенія.

Благодаря закону о процентной нормѣ, въ младшіе клас-

сы среднихъ учебныхъ заведеній поступаютъ только исключительные счастливики изъ евреевъ, или блестяще выдержавшіе конкурсный экзаменъ, или пользующіея особо высокою протекціей: съ самаго начала мальчикъ считаетъ себя, по всей справедливости, человѣкомъ исключительнымъ — или особенно умнымъ, или важнымъ, но, попавъ въ товарищескую среду, ему необходимо обладать особымъ тактомъ и умѣніемъ, чтобы не выказать своего самомнѣнія: уже не говоря о грубыхъ дѣтяхъ, которыя рады издѣваться надъ „жиденкомъ“, нигдѣ такъ не развита зависть къ успѣхамъ, какъ именно въ младшихъ классахъ учебныхъ заведеній. Болѣе тонкія натуры изъ христіанскихъ мальчиковъ, напротивъ, по этическимъ побужденіямъ принимаютъ евреевъ подъ свое покровительство, и вотъ на этой антипедагогической почвѣ пререканій по поводу достоинствъ и недостатковъ евреевъ вообще, и еврейскихъ товарищей въ частности, сторонники ихъ чувствуютъ себя, несомнѣнно, передовыми героями, стоящими выше предразсудковъ среды. Въ такой атмосферѣ протекаетъ вся жизнь еврея въ школѣ, при этомъ ему извѣстно, сколько другихъ сверстниковъ его, евреевъ, между которыми бываютъ его ближайшіе родственники, были менѣе счастливы его и не попали въ гимназію, хотя и выдержали экзаменъ гораздо лучше христіанина; и все это, благодаря процентной нормѣ. Что, кромѣ возмущенія противъ несправедливости правительства можетъ возбуждать въ ребенкѣ самая мысль объ этомъ? Наиболѣе близкіе къ нему товарищи-христіане совершенно съ нимъ въ этомъ отношеніи солидарны, а антисемитскіе элементы въ школѣ, — а такіе, къ сожалѣнію, почти всюду существуютъ, — только разжигаютъ это чувство. При такихъ условіяхъ, присущее большинству молодежи благородство и ревнивое отношеніе къ соблюденію высшей справедливости сами по себѣ должны помѣшать еврею ассимилироваться, и, напротивъ, побуждаютъ его подчеркивать, изъ гордости и на зло другимъ, свои особенности. Если убѣжденные антисемиты могутъ признавать возможнымъ споръ относительно практичности уста-

новленія процентной нормы съ государственной точки зрѣнія, то едва-ли найдется защитникъ ея въ педагогическомъ отношеніи.

И сказаннаго было-бы достаточно для того, чтобы отнестись совершенно отрицательно къ принятой системѣ нормированія числа евреевъ въ школахъ, если-бъ къ этому не прибавилось еще одно привходящее обстоятельство, еще болѣе стгущающее, въ данномъ случаѣ, краски гоненія на іудеевъ. Дѣло въ томъ, что, затруднивъ для евреевъ поступленіе въ учебныя заведенія, правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, сулитъ имъ за окончаніе вышлага образованія величайшую привилегію, которой еврей можетъ достигнуть въ Россіи, а именно право повсемѣстнаго жительства и свободу избранія своей профессіи. Созданное нашимъ правительствомъ, въ этомъ дѣлѣ, для евреевъ положеніе невольнo заставляетъ рисовать въ своемъ воображеніи такую фантастическую картину: сидитъ масса голодныхъ людей, причемъ имъ извѣстно, что за стѣною находится складъ дарового хлѣба, а нѣсколько булокъ лежатъ у нихъ даже на самомъ виду, на стѣнѣ; чтобы помочь голоднымъ взобраться на стѣну, кто-то подставилъ жердь, по которой всѣ стремятся влѣзть, но благодѣтель позволяетъ взбираться только по-одиночкѣ, съ разборомъ: удастся взобраться пяти-шести изъ сотни, остальнымъ предоставляется облизываться и щелкать голодными зубами. Немудрено, что голодные грызутъ самый камень стѣны, отдѣляющей ихъ отъ жизни...

Установивъ такую «либеральную» привилегію для дипломированныхъ евреевъ, правительство, очевидно, нашло, что слишкомъ широко раскрыло двери для полученія евреями самыхъ элементарныхъ гражданскихъ правъ. Поэтому оно рѣшило поставить еще одинъ барьеръ на пути ихъ освобожденія отъ стѣсненій, установивъ вторую процентную норму для поступленія изъ среднихъ въ высшія учебныя заведенія. Необходимость возведенія второго барьера, съ антисемитской точки зрѣнія, естественно вытекала изъ того факта, что благодаря конкурсной системѣ въ среднюю школу попадаютъ

преимущественно наиболѣе способныя изъ еврейскихъ дѣтей. Поэтому они вообще проходятъ курсъ ученія болѣе, чѣмъ удовлетворительно; но затѣмъ каждый еврейскій гимназистъ или реалистъ твердо знаетъ, что разъ попавши въ учебное заведеніе, отъ него самаго, отъ его собственныхъ усилій зависить пріобрѣтеніе гражданскихъ правъ, и еврейскій мальчикъ старается, тянется изо всѣхъ силъ, чтобы не провалиться ни на одномъ экзаменѣ, чтобы быть однимъ изъ лучшихъ учениковъ въ классѣ. Результатомъ является то, что тогда какъ христіанскія дѣти часто проваливаются на переходныхъ экзаменахъ, отстаютъ и въ значительномъ количествѣ выбываютъ изъ учебныхъ заведеній до окончанія курса, еврей, разъ поступивши, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, дотягиваетъ до конца и обыкновенно, нигдѣ не застрявъ, проходитъ весь курсъ въ положенное число лѣтъ.

Такимъ образомъ, получается тотъ знаменательный фактъ, что тогда какъ процентная норма евреевъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ оставалась на прежней низкой цифрѣ, эта цифра поразительно возрасла по отношенію къ абитуриентамъ, оканчивавшимъ среднія учебныя заведенія и получавшимъ аттестаты, по закону открывавшіе имъ двери высшихъ учебныхъ заведеній, а, слѣдовательно, законный путь къ достиженію общегражданскихъ правъ. Результатъ этотъ, очевидно, не соотвѣтствовалъ видамъ правительства, а потому оно и въ этомъ случаѣ, отложивъ всякія соображенія о справедливости и правѣ, объявило, что устанавливается отдѣльная процентная норма при приѣмѣ евреевъ въ высшія учебныя заведенія. Такое грубое рѣшеніе вопроса дало различное юридическое значеніе одному и тому-же аттестату средняго учебнаго заведенія, въ зависимости отъ того, какую религію исповѣдывалъ получившій его: для христіанина аттестатъ этотъ давалъ неоспоримое право поступленія въ высшее учебное заведеніе, для еврея онъ являлся лотерейнымъ билетомъ, на который, при счастіи, могъ пасть выигрышъ въ видѣ пріема въ университетъ или институтъ, причемъ какъ

во всякой лотереѣ, предсказать результатъ тиража не было возможности.

Можно себѣ представить всю сумму горечи, накапливавшейся противъ правительства, какъ среди сотенъ ежегодно отталкиваемыхъ отъ завѣтной цѣли юношей, такъ и среди ихъ родителей и родственниковъ. Число несчастливцевъ съ каждымъ годомъ должно было расти, постоянно пополняясь новыми жертвами правилъ о приѣмѣ евреевъ въ учебныя заведенія. Мѣра эта возбуждаетъ негодованіе не въ однихъ евреяхъ, но и во всякомъ человѣкѣ, въ которомъ живы чувства справедливости и возмущенія противъ преслѣдованій ни въ чемъ лично неповинныхъ людей. И въ этомъ отношеніи надо отдать справедливость русскому юношеству: мнѣ не приходилось встрѣчать абитуриентовъ-христіанъ, которые не относились-бы съ негодованіемъ къ судьбѣ своихъ товарищей евреевъ, и жертвы правительственнаго антисемитизма могутъ найти себѣ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое утѣшеніе въ томъ сознаніи, что ихъ страданія и униженія дали добрый плодъ, уничтоживъ антисемитизмъ въ средѣ учащагося юношества, которое въ своей массѣ никогда не помирится съ грубою и кричащею несправедливостью относительно товарищей и съ официальнымъ издѣвательствомъ надъ ними.

Относительно установленія процентной нормы для евреевъ, поступающихъ въ высшія учебныя заведенія, интересно рассказать, какимъ образомъ эта мѣра была проведена въ жизнь. Въ 1886 г. комитетъ министровъ по Высочайшему повелѣнію разсматривалъ всеподданнѣйшій отчетъ за 1885 г. о состояніи Харьковской губерніи. Въ этомъ отчетѣ харьковскій губернаторъ указалъ на значительный наплывъ въ школы лицъ еврейскаго происхожденія, которыя, внося, по его мнѣнію, въ среду учащихся „матеріалистическій взглядъ на образованіе“, не могутъ оказывать благотворнаго вліянія на русскую молодежь. Комитетъ министровъ, принявъ во вниманіе, что вопросъ о мѣрахъ противъ переполненія учебныхъ заведеній евреями порученъ былъ разсмотрѣнію особой комиссіи по пересмотру дѣйствующихъ о евреяхъ узаконеній и не счи-

тая возможнымъ предрѣшать мѣропріятія, вырабатываемыя этою комиссією, и устанавливать какія-либо общія по этому предмету правила, признавъ цѣлесообразнымъ предоставить министру народнаго просвѣщенія принимать по ближайшему его, министра, усмотрѣнію частныя мѣры къ ограниченію приѣма евреевъ въ подвѣдомственныя ему высшія и среднія учебныя заведенія. Приведенное положеніе комитета министровъ удостоилось 5 декабря 1886 г. Высочайшаго утвержденія.

Затѣмъ, разсматривая въ 1887 г. предположеніе министра народнаго просвѣщенія о мѣрахъ къ упорядоченію состава учащихся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ этого министерства, комитетъ министровъ въ журналѣ своемъ отъ 6 іюня 1887 г. высказалъ, что опубликованіе во всеобщее свѣдѣніе ограничительныхъ постановленій относительно приѣма евреевъ въ высшую и среднюю школу могло-бы быть неправильно истолковано, и что цѣль правительства оградить учебныя заведенія отъ наплыва лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія можетъ быть достигнута съ большимъ успѣхомъ путемъ частныхъ распоряженій министра, согласно потребностямъ отдѣльныхъ мѣстностей или отдѣльныхъ учебныхъ заведеній.

На основаніи приведенныхъ соображеній комитета министровъ, министерство народнаго просвѣщенія циркулярнымъ распоряженіемъ отъ 1 іюля 1887 г., о которомъ мы упомянули уже выше, предложило принимать въ студенты высшихъ учебныхъ заведеній лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія со слѣдующими ограниченіями: въ высшія учебныя заведенія, находящіяся въ чертѣ еврейской осѣдлости, въ количествѣ 10⁰%, въ столицѣ 3⁰% и во всѣ остальные высшія учебныя заведенія въ количествѣ 5⁰% общаго числа вновь принимаемыхъ студентовъ. Въ 1901 г. распоряженіемъ тогдашняго министра, генерала Ванновскаго, процентная норма была понижена съ 10 до 7, съ 5 до 3 и 3 до 2. Но затѣмъ, распоряженіемъ министра Зенгера, въ 1902 г. и 1903 г. во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ была вновь восстановлена дѣйствовавшая до 1901 г. норма; въ одномъ только Харьковскомъ технологи-

чекомъ институтѣ ограниченіе приема евреевъ установлено актомъ, имѣющимъ характеръ законодательный, а именно Высочайшимъ повелѣніемъ 7-го іюня 1885 г., внесеннымъ въ видѣ примѣчанія къ статьѣ 1151 т. XI ч. 1 свода законовъ 1893 г.

Изъ изложеннаго видно, что ограниченіе лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія въ правѣ поступать въ высшія учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія было установлено, кромѣ харьковскаго технологическаго института, не въ законодательномъ, а въ административномъ порядкѣ, а именно отдѣльными распоряженіями министровъ народнаго просвѣщенія, основанными на Высочайше утвержденномъ 5 декабря 1886 г. положеніи комитета министровъ, нигдѣ не опубликованномъ. Проведенная такимъ путемъ мѣра, по существу ограничившая права еврейскаго населенія, не могла не вызвать острое неудовольствіе этого населенія, которое должно было видѣть въ этихъ стѣсненіяхъ, неустановленныхъ закономъ, проявленіе административнаго произвола. Этотъ характеръ произвола нашелъ себѣ подтвержденіе и въ частныхъ измѣненіяхъ процентной нормы, а также и въ тѣхъ отступленіяхъ отъ нея въ пользу отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыхъ группъ, которыя допускались и допускаются въ зависимости отъ личныхъ взглядовъ отдѣльныхъ министровъ и отъ свойствъ ихъ характера. Опытъ примѣненія этихъ мѣропріятій, конечно, не оправдалъ возлагавшихся на нихъ надеждъ. Съ одной стороны, высшія учебныя заведенія періодически хоть и избавлялись отъ наплыва еврейской молодежи, но съ другой стороны неудовольствіе, порожденное этими мѣрами, неоднократно служило поводомъ къ студенческимъ волненіямъ и ужъ конечно, никоимъ образомъ не способствовало установленію въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ нормальнаго хода жизни. Еврейская молодежь, пріобрѣтшая окончаніемъ курса средней школы законное право на поступленіе въ высшія учебныя заведенія, но лишнная этого права административнымъ распоряженіемъ учебнаго начальства, вступаетъ въ жизнь съ чувствомъ несмываемыхъ обиды и вражды къ ограничивающей

ея права государственной власти. Этими озлобленными элементами пополнялись и поддерживались революціонныя партіи, а въ то-же время высшія учебныя заведенія, огражденныя отъ наплыва евреевъ, очевидно, какъ и можно было заранѣе предсказать, оказались совершенно не огражденными отъ пропаганды этихъ-же революціонныхъ партій.

Такимъ образомъ, нельзя не признать, что описанная мѣра, не будучи основана на законѣ и будучи даже противна духу нашего школьнаго законодательства, которое устанавливаетъ доступъ въ школу безъ различія сословій и вѣроисповѣданія, и кромѣ того несправедливая, практически бесплодна и прямо даже вредна.

Третьимъ способомъ, предоставляющимъ евреямъ возможность выбраться изъ гетто черты осѣдлости, является занятіе однимъ изъ ремеслъ, указанныхъ въ законѣ и въ разъясненіяхъ къ нему.

Когда, на основаніи Положенія 13 апрѣля 1835 г., сдѣлано было распоряженіе о выселеніи евреевъ изъ Кавказскихъ областей, то въ отношеніи ремесленниковъ, какъ жившихъ тамъ до того времени, такъ и снова прибывающихъ туда изъ другихъ губерній, сдѣлано было особое распоряженіе, а именно: основываясь, съ одной стороны, на удостовѣреніи главноуправляющаго Кавказомъ о недостаткѣ мастеровыхъ въ томъ краѣ, а съ другой на § 63 означеннаго Положенія, коимъ дозволено ремесленникамъ и мастеровымъ продолжать временное пребываніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ признанъ недостатокъ въ такихъ людяхъ, главноуправляющему Грузіей, Кавказскою и Закавказскими областями было предоставлено поступить въ этомъ случаѣ на основаніи этого параграфа съ тѣмъ, чтобы всѣ еврей-ремесленники снабжаемы были установленными паспортами и свидѣтельствами тѣхъ губерній, въ вѣдомствѣ которыхъ они записаны окладомъ.

Вообще, въ отношеніи евреевъ-мастеровыхъ дѣлались отступленія и въ послѣдующее время по случаю недостатка мѣстныхъ ремесленниковъ. Такъ, 20 сентября 1844 г. дозволено было этимъ евреямъ временное жительство въ укрѣпленіяхъ восточнаго берега Чернаго моря подъ строгимъ наблюденіемъ начальника Черноморской береговой линіи и съ отвѣтственностью, чтобы этимъ дозволеніемъ пользовались одни только мастеровые. Дозволеніе это санкціонировало лишь фактическое положеніе дѣлъ, такъ какъ, несмотря на то, что укрѣпленія Черноморской береговой линіи находились внѣ черты еврейской осѣдлости, ремесленники евреи при самомъ началѣ устройства этихъ укрѣпленій первые являлись туда со своими мастерствами и въ большей части укрѣпленій

были единственными, напимѣръ, сапожниками, портными, и занимались другими мастерствами, необходимыми для гарнизонныхъ; вслѣдствіе этого, по ходатайству начальника черноморской береговой линіи, пришлось, наконецъ, освѣтить этотъ фактъ законодательной нормой. Впослѣдствіи евреямъ мастеровымъ дозволено было временное жительство и въ портовыхъ городахъ сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря.

Далѣе, въ законѣ 23 ноября 1855 г. сказано: «Евреямъ закройщикамъ и портнымъ дозволяется имѣть жительство при полкахъ и военно-учебныхъ заведеніяхъ, во внутреннихъ губерніяхъ на то время, на которое военное начальство заключить съ ними контракты, но не болѣе, какъ по одному такому еврею на каждый полкъ и военно-учебное заведеніе, и притомъ подъ строгимъ недзоромъ мѣстной полиціи, чтобы евреи сіи въ точности соблюдали «постановленное въ законахъ» правило относительно образа жизни ихъ въ мѣстахъ, находящихся за чертою постоянного жительства евреевъ, причемъ строжайше воспрещается имъ заниматься другими промыслами и денежными оборотами».

Но эти частныя мѣры на практикѣ оказались недостаточными, и въ началѣ царствованія Императора Александра II собраны были весьма обширныя матеріалы, указавшіе на необходимость общаго дозволенія всѣмъ евреямъ ремесленникамъ проживать повсемѣстно внѣ черты осѣлости... По разсмотрѣніи истребованныхъ отъ подлежащихъ генералъ-губернаторовъ и начальниковъ губерній соображеній относительно устраненія существующихъ ограниченій въ ремесленной промышленности евреевъ, оказалось, что крайне неудовлетворительное положеніе промышленности въ Западномъ краѣ происходитъ отъ чрезмѣрнаго скопленія ремесленниковъ во всѣхъ губерніяхъ, назначенныхъ для еврейской осѣлости; что причину этого надобно искать въ тѣхъ общихъ ограниченіяхъ гражданскихъ правъ евреевъ, которыя существуютъ въ нашемъ законодательствѣ, а всего болѣе въ воспрещеніи евреямъ имѣть жительство внѣ мѣсть, назначенныхъ для ихъ осѣлости, и что отъ этого всего болѣе страдаетъ классъ

ремесленниковъ, не только еврейскихъ, но и христіанскихъ. Еврейскіе ремесленники, говорилось въ запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ, въ мѣстахъ ихъ постоянной осѣдлости, среди населенія, большею частью бѣднаго, нуждаясь въ заказахъ, выпрашиваютъ за работу крайне низкую плату въ ущербъ прочности и изяществу отдѣлки, стараясь, чтобы дешевизна ихъ издѣлій сдѣлала ихъ доступными массѣ потребителей. Стремленіе христіанскихъ ремесленниковъ къ той-же цѣли и тѣмъ-же путемъ порождаетъ между ними и евреями преувеличенное соперничество, вредно дѣйствующее на благосостояніе тѣхъ и другихъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, между прочимъ, и постоянное накопленіе на евреяхъ неоплаченныхъ недоимокъ и, несмотря на то, что подушная подать съ мѣщанъ отмѣнена еще съ начала 1863 г. и что изъ корочнаго сбора ежегодно отчисляется значительная сумма на покрытіе слѣдующихъ съ евреевъ казенныхъ платежей, податныя недоимки не уплачены еврейскими обществами и по настоящее время.

Между тѣмъ, классъ еврейскихъ ремесленниковъ, говорится далѣе въ запискѣ министра, составляетъ, хотя бѣднѣйшее, но вмѣстѣ съ тѣмъ полезнѣйшее сословіе между ихъ единовѣрцами, а потому, если правительство признало уже возможнымъ смягчить строгость существующихъ для евреевъ, относительно избранія ими мѣста жительства, постановленій въ отношеніи купцовъ, то ремесленники этой націи тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія. Въ этихъ убѣжденіяхъ министерство внутреннихъ дѣлъ полагало, что евреямъ ремесленникамъ слѣдовало-бы нынѣ же предоставить возможность имѣть жительства и внѣ черты ихъ осѣдлости.

Далѣе, продолжаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ, нѣтъ сомнѣній, что такое разрѣшеніе было-бы во всѣхъ отношеніяхъ полезно. Не говоря уже о самихъ евреяхъ, этимъ путемъ облегчено было-бы, съ одной стороны, затруднительное положеніе христіанскихъ ремесленниковъ, терпящихъ стѣсненія въ мѣстахъ постоянной осѣдлости евреевъ отъ чрезмѣрнаго соперничества; уменьшеніе числа еврейскихъ масте-

ровъ способствовало-бы установленію болѣе соразмѣрнаго отношенія между производителями ремесленныхъ издѣлій и ихъ потребителями, столь необходимаго какъ для благосостоянія первыхъ, такъ и въ интересахъ послѣднихъ; а съ другой, — тѣ изъ губерній, въ которыхъ ощущается нынѣ недостатокъ въ хорошихъ мастерахъ, получили-бы возможность пріобрѣсти въ еврейхъ полезныхъ ремесленниковъ¹⁾.

Дозволеніе евреямъ-ремесленникамъ проживать внѣ черты осѣдности не возбуждало, насколько мнѣ извѣстно, особеннаго негодованія въ лагерѣ антисемитовъ и это, несмотря на то, что какъ разъ такое дозволеніе является однимъ изъ наиболѣе сильныхъ коррективовъ въ области исключительнаго законодательства о евреяхъ, давая фактически наибольшій контингентъ евреевъ, живущихъ внѣ своего гетто. Объясняется такой фактъ несомнѣнно тѣмъ обстоятельствомъ, что еврей-ремесленники оказались во многихъ случаяхъ дѣйствительно весьма полезными въ обществѣ людьми и конкуренція ихъ съ ремесленниками-христіанами, за немногими исключеніями, не представила никакой особенной для послѣднихъ опасности, что, между прочимъ, доказываетъ какъ преувеличены страхи передъ нашествіемъ евреевъ въ случаѣ ихъ полной эмансипаціи. Антисемиты, правда, указываютъ, и на этотъ разъ не безъ основаній, что существуетъ довольно большое количество евреевъ, которые проживаютъ внѣ черты только подъ личиною ремесленниковъ, въ дѣйствительности почти совсѣмъ не занимаясь ремесломъ или занимаясь имъ въ самыхъ ограниченныхъ предѣлахъ, для отвода глазъ. Не отрицая справедливости этого факта, приходится и въ данномъ случаѣ указать, что при несправедливости первоначальнаго закона, вогнавшаго евреевъ въ черту осѣдности, всѣ вызванныя самою жизнью отступленія отъ него ведутъ, хотя бы въ извѣстномъ какомъ-нибудь отношеніи, къ нежелательнымъ или даже вреднымъ послѣдствіямъ: несомнѣнно, что и тутъ, т. е. при осуществленіи дарованнаго евреямъ-ремесленникамъ права проживать внѣ черты осѣдности происходятъ какъ обманы

¹⁾ Мышь. Стр. 174 по 176.

со стороны евреевъ, такъ и взяточничество со стороны полиціи, иными словами, искусственное развращеніе обѣихъ сторонъ. Кромѣ полиціи, евреямъ нерѣдко приходится подкупать и цеховое начальство, отъ котораго зависитъ признаніе еврея ремесленникомъ, имѣющимъ право воспользоваться законными льготами; на этой почвѣ происходитъ, несомнѣнно, рядъ незаконій въ видѣ мздоимства, преслѣдованія невинныхъ людей и всяческихъ сдѣлокъ, болѣе или менѣе сомнительнаго свойства. Конечно, въ глазахъ ихъ враговъ виновниками всего являются сами евреи, такъ какъ, по мнѣнію антисемитовъ, вездѣ, гдѣ замѣшанъ еврей, тамъ происходитъ и всякое надувательство, хотя въ каждомъ почти отдѣльномъ случаѣ, доходившемъ, напримѣръ, до моего свѣдѣнія, виновными были не лично евреи, а то безправное ихъ положеніе, которое отдаетъ ихъ всецѣло въ руки почти всякаго, желающаго позаняться относительно нихъ, выражаясь опредѣленно, шантажемъ, т. е. выманиваніемъ денегъ подъ страхомъ доноса по поводу какихъ-либо сомнѣній или неправомерностей, которыя, при сложности и запутанности нашего законодательства, всегда легко найдутся.

VI.

Вышеизложенныхъ три законныхъ способа выхода евреевъ изъ своего гетто являются основными, такъ какъ четвертый, основанный на отбытіи военной службы, не играетъ нынѣ существенной роли: право селиться внѣ черты было присвоено отставнымъ солдатамъ изъ евреевъ до изданія въ 1874 г. устава о воинской повинности и касалось отбывшихъ службу по прежнему рекрутскому уставу; во время послѣдней японской войны было издано Высочайшее повелѣніе о предоставленіи этого права тѣмъ нижнимъ чинамъ изъ евреевъ, которые отличились во время нея, всѣ же прочіе солдаты обязаны послѣ отбытія воинской повинности возвращаться на мѣсто постоянной осѣдности. Такъ какъ способъ выхода изъ черты осѣдности, основанный на отбываніи военной службы, какъ это ясно изъ сказаннаго, не можетъ дать мало-мальски значительнаго числа счастливыхъ, то я нахожу излишнимъ останавливаться на немъ особо.

Мы видѣли изъ изложеннаго выше, какъ три главныхъ законныхъ способа приобрѣтенія евреями основного гражданскаго права—болѣе или менѣе свободнаго передвиженія въ предѣлахъ территоріи отечества, ведутъ къ совершенно непредвидѣннымъ законодательствомъ результатамъ, хотя несомнѣнно, что всѣ три способа основаны или на соображеніяхъ элементарной справедливости, или на экономическихъ интересахъ государства. Уничтоженіе этихъ, по терминологіи антисемитовъ, «лазеекъ», дающихъ возможность выкарабкаться изъ черты осѣдности было-бы и не справедливо, и не практично, а между тѣмъ несомнѣнно, что рядомъ съ добромъ онѣ порождаютъ и много зла. Постараемся разобраться въ этомъ вопросѣ, такъ какъ, только понявъ его, мы будемъ въ состояніи увидѣть, въ чемъ собственно корень зла.

Какъ я имѣлъ уже случай указать въ началѣ этой статьи, русская государственная власть исходитъ изъ предположенія, что она, въ лицѣ евреевъ, имѣетъ дѣло съ основа-

тельно испорченнымъ, преступнымъ и почти неисправимымъ народомъ. Сама по себѣ, это предпосылка таить въ себѣ нѣчто столь нелѣпое, что все дальнѣйшее, построенное на ней, должно обязательно страдать всѣми дефектами аргументаціи, основанной на силлогизмѣ, первая посылка котораго потому уже, въ данномъ случаѣ, должна быть ошибочна, что заимствована изъ области, неимѣющей никакого отношенія къ той, въ которой на основаніи силлогизма приходится оперировать. Сказать, что цѣлый народъ, цѣлое племя—дурное, дѣло для государственной власти совершенно невѣроятное и недопустимое теоріею современнаго государственнаго права: это относится къ области антропологии, схоластики, пожалуй—исторіи, чего угодно, только не юриспруденціи. Выставленное мною положеніе настолько вѣрно, что и наше законодательство для опредѣленія понятія «еврей», инстинктивно-ли, сознательно-ли, не могло обосновать его на расовыхъ особенностяхъ, а поэтому основало его на религіозныхъ данныхъ. Тутъ, если обоснованіе это и страдаетъ явную тяжекою, становясь почти произвольнымъ, можно было сослаться, если и не на современныя юридическія понятія, то хотя-бы на средневѣковыя традиціи, на средневѣковое церковное право: полноправнымъ гражданиномъ считается лицо, исповѣдующее государственную религію, послѣдователи же другихъ вѣроисповѣданій пользуются терпимостью въ странѣ только въ той мѣрѣ, въ какой заблагоразсудится государственной власти. Критеріумомъ, по необходимости весьма измѣнчивымъ, для такой терпимости должно всегда являться понятіе о большей или меньшей недоброкачественности отдѣльныхъ вѣроисповѣданій, такъ какъ единственною вполне доброкачественною религіею признается, конечно, только господствующая въ странѣ, государственная. И вотъ, законъ Моисея съ тѣми дополненіями, которыя внесъ въ него Талмудъ, признается нашею государственною властью не только недоброкачественнымъ, но даже зловреднымъ. Это ясно изъ того, какъ мною указано выше, что разъ еврей отрекся отъ своей вѣры и принялъ другую, хотя-бы и не вполне доброкачественную,

но доброкачественнѣе еврейской, онъ этимъ самымъ избавляется отъ всѣхъ стѣсненій, установленныхъ для его прежнихъ единовѣрцевъ и въ глазахъ закона окончательно перестаетъ быть евреемъ, т. е. человѣкомъ подозрительной нравственности. Что тутъ играетъ роль какъ абсолютная, такъ и сравнительная доброкачественность разныхъ вѣроисповѣданій, видно изъ того, что если еврей крестился для перехода въ раскольничью секту, то онъ, по нашему закону, не измѣняетъ этимъ правового своего положенія и продолжаетъ подвергаться тѣмъ-же ограниченіямъ, которыя ему полагаются какъ еврею; тоже случилось бы съ нимъ, если-бы онъ перешелъ въ мусульманство. Очевидно, переходъ въ вѣроисповѣданіе, стоящее по доброкачественности ниже требуемой законодательствомъ нормы, признается не имѣющимъ искупительнаго для еврея значенія.

Итакъ, по мнѣнію нашего законодательства, еврей несомнѣнно преступенъ или опасенъ, пока онъ исповѣдуетъ официально свою дурную вѣру, почему и возникаетъ слѣдующій силлогизмъ: еврейская вѣра дурна, евреи ее исповѣдуютъ, а потому евреи люди дурные. Составители нашего законодательства, какъ люди частные или какъ администраторы, могли, конечно, въ качествѣ антисемитовъ или въ качествѣ, по крайней мѣрѣ, признающихъ вѣрность антисемитской теоріи, вѣрить въ злобредность самой еврейской массы, но, какъ законодатели, остались въ томъ отношеніи послѣдовательными, что, держась указаннаго силлогизма, выводили изъ него строго логическое послѣдствіе: отказавшись отъ дурной вѣры и перейдя въ абсолютно лучшую, еврей перестаетъ быть хуже другихъ гражданъ, а потому приравнивается къ нимъ во всѣхъ правахъ. Конечно, богословскія изслѣдованія не являются удѣломъ и задачей свѣтскихъ законодателей, но, казалось-бы, что ограничивая въ правахъ такую огромную по численности группу населенія страны, какъ всю массу лицъ, исповѣдующихъ іудейскую вѣру, и основывая это ограниченіе на отрицательныхъ качествахъ ихъ вѣроисповѣданія, правительству слѣдовало-бы прежде всего заняться разборомъ этого вѣроисповѣданія и указать, что именно пред-

ставляется въ немъ предосудительнымъ и безнравственнымъ. Такой официальной или даже хотя-бы официозной работы доселѣ не было предпринято. И такимъ образомъ, странное признаніе іудейскаго вѣроученія суевѣріемъ и заблужденіемъ со стороны самого закона, взято, выражаясь грубо, какъ-бы съ вѣтру, ни на чемъ положительномъ не основано и повторяется голословно, являясь между тѣмъ главною основною причиною преслѣдованія евреевъ въ Россіи. Самое опредѣленіе вѣроисповѣданія, какъ вреднаго или опаснаго, можетъ, конечно, основываться, съ государственной и общественной точекъ зрѣнія, не на томъ, во что вѣрятъ и чему не вѣрятъ его приверженцы, такъ какъ вѣра есть личное и интимное достояніе самого человѣка и всѣхъ другихъ людей не касается, пока она не становится агрессивною; опасными могутъ являться только внѣшнія проявленія вѣроисповѣданій, если они требуютъ отъ своихъ приверженцевъ безнравственныхъ поступковъ или хотя-бы нежелательныхъ для государства, для общества даже отдѣльныхъ лицъ, дѣйствій или, наконецъ, проповѣди этихъ дѣйствій. Ни въ чемъ подобномъ не удавалось уличить іудейское вѣроученіе и даже тѣ добротныя попытки, путемъ подтасовокъ и вырыванія отдѣльныхъ фразъ и изреченій изъ еврейскихъ вѣроучебныхъ и богослужебныхъ книгъ, которыми всегда усердно занимались враги Израиля, какъ старые, такъ и новые, не смогли доказать враждебность іудейства къ остальному міру или, какъ на этомъ настаиваютъ антисемиты, не только дозволеніе, но какъ-бы обязательность для еврея вредить всѣмъ неевреямъ; доказательства такихъ обвиненій оказались убѣдительными развѣ только для тѣхъ, кто желалъ во что-бы то ни было подкрѣпить свои предубѣжденія хоть какими-либо фактами. А между тѣмъ, враги еврейства никогда не стѣснялись въ своихъ обвиненіяхъ не только ихъ самихъ, какъ семитовъ, но ихъ религіи, доходя до средне-вѣковыхъ изувѣрныхъ измышленій о ритуальныхъ убійствахъ и употребленіи христіанской крови для вѣроисповѣдныхъ цѣлей. Эти чудовищныя обвиненія повторялись даже до нашихъ дней. И это, несмотря на то, что ни разу во всѣхъ пропес-

сахъ, гдѣ евреи обвинялись въ пролитіи христіанской крови, обвиненія эти не подтверждались, и что они еще въ 70-хъ годахъ были авторитетно опровергнуты Д. А. Хвольсономъ, добросовѣстно изучившимъ вопросъ и научно безповоротно установившимъ не только всю нелѣпость обвиненія, но и отсутствіе самой возможности существованія у евреевъ, какъ таковыхъ, обрядовъ, соединенныхъ съ пролитіемъ человѣческой крови, такъ какъ такое пролитіе противорѣчило-бы самымъ основнымъ и никѣмъ не оспариваемымъ религіознымъ воззрѣніямъ евреевъ.

Вѣрили-ли составители русскаго законодательства, или нѣтъ въ отрицательныя качества іудейской религіи—можетъ представлять интересъ только историческій и бытовой; знать о ней, конечно, они почти ничего не знали, за исключеніемъ того, что евреи не вѣрятъ въ Христа, въ святыхъ и таинства. Но все-же остается неоспоримымъ фактомъ, что въ основу законодательства о евреяхъ положено отрицательное отношеніе къ ихъ религіи. Вполнѣ понятно, что при первомъ-же столкновеніи этого законодательства съ практической жизнью, съ государственными и общественными интересами, эта основная мысль какъ-бы улетучилась, была забыта или оказалась непригодною при рѣшеніи чисто юридическихъ и экономическихъ вопросовъ. Такимъ образомъ, возникло то но истинѣ нелѣпое положеніе, что евреи, лишенные гражданскихъ правъ за исповѣданіе своей вѣры, получаютъ вдругъ эти права, продолжая исповѣдывать ту-же, признанную вредною, вѣру, когда они вносятъ въ казну гильдейскія пошрины, окончатъ опредѣленный научный курсъ или удовлетворительно занимаются какимъ-нибудь ремесломъ! Какъ съ точки зрѣнія юридической, такъ и простого здраваго смысла, это—совершенно невозможная непослѣдовательность, а потому для этихъ исключеній изъ основного правила пришлось, если не въ самомъ законѣ, то въ комментаріяхъ къ нему, въ объявленныхъ мотивахъ изданія дополненій и исправленій, выдвинуть другое положеніе, а именно то, что евреи въ общемъ вредны, какъ такая порода людей, которая таитъ въ себѣ опасныя

качества, очевидно, уже не какъ исповѣдующая извѣстную религію, а какъ воспѣтавшая въ себѣ или даже имѣющая въ большинствѣ случаевъ врожденные недостатки.

Занятіе торговлею въ связи съ уплатою крупныхъ гильдейскихъ пошлинъ, высшее образованіе, а также занятіе ремесломъ, очевидно, хоть нѣсколько исправляютъ, по мнѣнію законодателя, дурныя качества евреевъ и дѣлаютъ возможнымъ его сожителство съ другими національностями, несмотря на то, что эти менѣе опасныя, нѣсколько исправившіяся лица остались приверженцами своего вреднаго суевѣрія. Впрочемъ, наше законодательство быстро какъ-бы спохватывается и, сокращая по возможности число прислуги, приказчиковъ и т. п., которыхъ эти, лучшаго сорта, евреи могутъ держать при себѣ, опять напираетъ на ихъ вѣроисповѣданіе, какъ на единственный признакъ, мѣшающій имъ самостоятельно пользоваться общегражданскими правами. Изъ всего этого получается странное смѣшеніе каноническихъ, юридическихъ и экономическихъ понятій, вызывающее, какъ я говорилъ, безконечное количество поясненій, дополненій, сенатскихъ рѣшеній и т. п., въ которыхъ и самимъ заинтересованнымъ иногда совершенно не удастся разобраться. (Впрочемъ, на практикѣ недоразумѣнія разрѣшаются, если къ тому представляется удобный случай, всеисцѣляющимъ средствомъ—взяткою).

Для кого же и ради чего это дѣлается? Понятна средне-вѣковая точка зрѣнія Святой Инквизиціи, дѣйствовавшей просто *ad majorem Dei et ecclesiae gloriam*, но наше законодательство несомнѣнно такимъ отвлеченнымъ принципомъ не можетъ и не хочетъ пользоваться: составители его, повидимому, убѣждены, что дѣйствуютъ на чью-то пользу, что кого-то предохраняютъ отъ бѣды, по мѣрѣ возможности и строгой справедливости, заботясь о нуждахъ даже той части населенія, отъ которой другая большая часть оберегается, т. е. о нуждахъ самихъ евреевъ, этихъ невольныхъ, благодаря случайности рожденія, носителей зла. Но такъ-ли это въ дѣйствительности?

Не говоря уже о томъ, что евреи доведены до состоянія блага каленія отнятіемъ у нихъ самыхъ элементарныхъ гражданскихъ правъ, правительство фактически не оградило, да и не могло оградить отъ нихъ опегаемое имъ христіанское населеніе. Да и отъ чего собственно оно намѣрено его ограждать? Если сожительство съ евреями дѣйствительно такъ опасно, такъ гибельно, то почему оно предоставляетъ своей участи все нееврейское населеніе черты осѣдлости, которая занимаетъ 15 губерній, не считая 10 губерній Царства Польскаго. А если въ этихъ 25 губерніяхъ есть возможность и жить, и дѣйствовать христіанамъ, несмотря на присутствіе евреевъ, то на какомъ основаніи правительство думаетъ, что населеніе остальныхъ губерній пострадаетъ отъ ихъ присутствія? Не есть ли это обидное для этого населенія, т. е. для всѣхъ насъ, русскихъ, признаніе, что оно менѣе способно на самостоятельную экономическую жизнь, чѣмъ христіанскіе жители черты осѣдлости? Является вопросъ, замѣтна ли большая преступность въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ разрѣшается евреямъ проживать, отличаются ли онѣ особою бѣдностью или какими-нибудь признаками, по которымъ можно было-бы сдѣлать заключеніе о тлетворномъ вліяніи сожительства съ евреями? Развѣ Астраханская губернія счастливѣе Херсонской? Область Войска Донскаго—Екатеринославской или Смоленская—Гродненской? Спасая отъ проблематическаго вреда Ярославскую, Костромскую и другія губерніи, наше законодательство создало весьма реальную бѣду, организовавъ 7-ми миллионную озлобленную и рѣшительно всѣмъ недовольную массу, которая теперь не успокоится, пока не настанетъ болѣе терпимое для нея существованіе:

Увѣряютъ, что евреи высасываютъ послѣдніе соки изъ населенія, среди котораго они живутъ, что они жирѣютъ и богатѣютъ, эксплуатируя другихъ, какъ чужезадное растеніе живетъ соками того дерева, на которомъ оно растеть. Но тогда всякій, имѣвшій случай воочию наблюдать еврейскую бѣдноту, миллионами живущую въ самыхъ невѣроятныхъ условіяхъ въ городахъ и мѣстечкахъ черты осѣдлости,

долженъ признать, что или чужой сокъ имъ въ прокъ не идетъ, или что рассказы о повальной эксплуатаціи со стороны евреевъ совершенно невѣрны. Бѣдность, а не богатство огромнаго большинства русскихъ евреевъ прежде всего поражаетъ всякаго. Эта бѣдность часто ни съ чѣмъ не сравнима; если-бы несчастный, голодный еврей, живущій со своею голодною семьею въ какомъ-нибудь предмѣстьѣ Вильны, узналъ, что не только сытый, но пресыщенный петербургскій или московскій баринъ толкуетъ о накопленныхъ евреями богатствахъ, о томъ, что они живутъ эксплуатаціей окружающей ихъ среды, онъ счелъ-бы это за злую шутку; онъ подумалъ-бы, что такъ говорятъ, какъ говорятъ о дуракѣ, что у него ума палата, или о бродягѣ, что ему принадлежитъ весь міръ...

Типичная еврейская семья черты осѣдлости живетъ въ невозможныхъ лачугахъ, одѣвается въ лохмотья, питается, да и то не каждый день, самую дешевою дрянною селедкою, картофелемъ и хлѣбомъ, и все это въ самомъ мизерномъ количествѣ, еле-еле достаточнымъ для того, чтобы не умереть съ голоду; такихъ еврейскихъ семей не тысячи, а сотни тысячъ. И такихъ людей называютъ съ легкимъ сердцемъ эксплуататорами. Можно еще сказать, что они будутъ эксплуататорами, но что они теперь эксплуататоры—это просто трагикомическое утвержденіе, какая-то мрачная шутка. Говорятъ, что если спустить съ цѣпи голодныхъ, то они съѣдятъ сытыхъ. Но такіе ли ужъ сытые тамбовскіе, рязанскіе крестьяне, чтобы привлечь аппетиты нищихъ евреевъ, которые никакъ не ухитряются достать довольно хлѣба для себя и для дѣтей своихъ въ насижженныхъ мѣстахъ? Но затѣмъ, если бояться голодныхъ, то слѣдуетъ спросить, кто же ихъ сдѣлалъ такими? Не тѣ-же ли, кто такъ теперь боится ихъ голоднаго аппетита? Логика, казалось-бы, должна подсказать, что если голодный опасенъ, то слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы его прежде всего накормить и тѣмъ обезопасить его для другихъ; но этого не столько не могутъ, сколько не хотятъ сдѣлать, подъ предлогомъ, что накормить го-

лодныхъ можно только за счетъ..... нѣтъ, не сытыхъ, а такихъ-же голодныхъ, только другого сорта, другой породы. И поэтому смотрять и ждутъ: смотрять, какъ голодные становятся все голоднѣе, какъ ихъ число растетъ не по днямъ, а по часамъ, и ждутъ..... чѣмъ все это кончится, ни на что толковое не рѣшаясь. Вѣдь видятъ всѣ, что законодательство о евреяхъ никуда не годно, что опасность отъ его примѣненія все увеличивается, притомъ опасность не шуточная, а угрожающая почти самому существованію страны, и все продолжаютъ чего-то ждать, боятся рѣшиться на единственное средство, могущее дѣйствительно спасти отъ бѣды, на справедливое, правомѣрное и практичное средство: предоставить всякому, въ предѣлахъ общихъ для всѣхъ законовъ, устраивать свою жизнь такъ, какъ кто хочетъ или можетъ. Вѣдь рано или поздно, а придется это сдѣлать, но плохо будетъ, если это случится слишкомъ поздно, какъ многое, впрочемъ, у насъ въ Россіи, бывало, случалось.

Станемъ на точку зрѣнія нашего законодательства и предположимъ, что еврей въ своей массѣ, какъ общее правило, плохіе и вредные для Россіи граждане; простой человѣческій разумъ долженъ намъ подсказать, что и между ними есть не только менѣе вредные, но и прямо полезные; но тогда справедливость требовала-бы, чтобы по крайней мѣрѣ эти, отличающіеся своими качествами, евреи были выдѣлены изъ массы и хоть въ награду за свою добродѣтель получили человѣческія права: это было-бы даже съ указанной выше точки зрѣнія не только справедливо, но и политично. Между тѣмъ, отказавшись точнѣе опредѣлить отрицательныя качества всего еврейства, наше законодательство установило слѣдующіе странные, чтобы не сказать больше, критеріи для опредѣленія этихъ выдающихся качествъ: 1) отступленіе отъ вѣры отцовъ, хотя едва-ли и когда-либо и кто-либо считалъ ренегатство само по себѣ добродѣтелью (тутъ впрочемъ еще можно признать, пожалуй, строгую логику, въ виду признанія іудейской вѣры обладающею отрицательными качествами); 2) умѣніе нажать состояніе—совершенно уже нелѣпый при-

знакъ исправленія; 3) знаніе мастерства, ничего общаго съ нравственными качествами человѣка не имѣющее, и 4) образованіе, которое въ данномъ случаѣ и съ указанной точки зрѣнія могло бы имѣть извѣстное значеніе, но которое посредствомъ нагроможденія оговорокъ сводится къ формулѣ: наиболѣе способные евреи (получившіе наилучшія по экзаменамъ отмѣтки), считаются добродѣтельными или безопасными, тогда какъ менѣе способные явно опасны!

Всякій понимаетъ, что мѣры, принимавшіяся и принимаемыя огульно противъ евреевъ, могутъ возбуждать въ нихъ только столь-же огульное чувство озлобленія, причемъ эти чувства раздѣляются и тѣми, которыхъ правительство, дарованіемъ законныхъ привилегій, выдѣлило и какъ-бы противопоставило всей массѣ ихъ сородичей. Вотъ, гдѣ невольно само собою напрашивается на память знаменитое изреченіе: посѣявшій вѣтеръ—пожнетъ бурю: буря уже началась и никакимъ масломъ ее не успокоишь, если не принять радикальныхъ мѣръ, иначе говоря радикально не измѣнивши тотъ курсъ, который никому никакой пользы не принесетъ; а вѣдь несомнѣнно первѣйшая обязанность правительства — печься о пользѣ государства.

Дѣйствительно, кому же, наконецъ, законодательство о евреяхъ принесло пользу? Конечно, не евреямъ. Въ отношеніи остальнаго народонаселенія можно, ставъ на антисемитскую точку зрѣнія, говорить, что это законодательство предохранило его отъ вреда, но, чтобы оно принесло ему положительную пользу—сказать, конечно, нельзя. Самому правительству, нашей государственной машинѣ оно несомнѣнно принесло огромный и болѣзненно осязаемый вредъ, принесло оно несомнѣнный вредъ и нашему международному положенію, явно наноситъ тяжкіе удары нашимъ финансамъ; наконецъ, приноситъ вредъ всѣмъ русскимъ гражданамъ (одна паспортная система чего стоитъ всѣмъ намъ, не-евреямъ!). Такъ кому же оно принесло или приноситъ пользу? *Cui prodest?* спрашивали римскіе юристы, когда нужно было отыскать нераскрытаго виновника преступленія. Отвѣтъ давно ясенъ: путан-

ное и жестокое законодательство о евреяхъ принесло приносить пользу только наихудшимъ элементамъ русской администраціи, тѣмъ взяточникамъ и любителямъ ловли рыбы въ мутной водѣ, которые существовали на Руси гораздо, къ сожалѣнію и стыду нашему, ранѣе возникновенія «еврейскаго вопроса» тогда, когда и евреевъ у насъ почти не было, но которые нашли обильную жатву для своихъ низменныхъ инстинктовъ въ болотѣ еврейскаго безправія, въ трясинѣ исключительнаго о нихъ законодательства. Вотъ кого кормить Россія, вотъ о комъ заботится безсознательно правительство, нагромоздивъ законъ на законѣ противъ своихъ подданныхъ еврейскаго племени. Но не только эти законы, но и самыя изыятія изъ нихъ, какъ мы видѣли, какъ-будто созданы или, по крайней мѣрѣ, обработаны не для пользы евреевъ, а для пользы и торжества опять-таки тѣхъ-же наихудшихъ элементовъ русской администраціи, составляющихъ настоящую язву нашей жизни, то основное зло, противъ котораго сознательно и безсознательно борется вся Россія. Пожалуй, именно только въ этой борьбѣ, создавшей братство, въ которомъ нѣсть эллина, ни еврея, можно найти благодѣтельную сторону антисемитскаго законодательства. Но этого-ли хотѣло достигнуть правительство?

VII.

Создавши себѣ въ лицѣ евреевъ непримиримыхъ враговъ, испытывая неудобство такого положенія на своихъ плечахъ и на горбу всей страны, правительство не хочетъ сознаться въ своей ошибкѣ и усугубляетъ ее, можно сказать, ежечасно продолжая держаться въ еврейскомъ вопросѣ устарѣлой своей политики и не рѣшаясь, изъ... трусости передъ воображаемыми послѣдствіями, на единственный шагъ, представляющій шансы выскочить изъ невозможнаго, имъ-же самимъ созданнаго, печальнаго своего положенія: сознаться въ своей ошибкѣ и принять на себя инициативу въ дѣлѣ ея исправленія. Конечно, дѣло самихъ русскихъ людей, подумавши, рѣшить, слабы они, или сильны, въ состояніи ли они бороться съ еврействомъ, или нѣтъ, но обязанность правительства — не только предложить этотъ вопросъ, не теряя ни минуты драгоценнаго времени, но и сознаться въ ошибочности своей политики по отношенію къ евреямъ, приведшей къ столь серьезнымъ и нежелательнымъ результатамъ.

Даже заклятый антисемитъ, фанатическій ненавистникъ евреевъ, принимающій почти на вѣру всѣ самыя дикія измышленія, направленные противъ нихъ, Е. Дюрингъ *) говорилъ:

«Средневѣковыя, а частью и позднѣйшія народныя вылазки противъ евреевъ, вполне оправдываемыя положеніемъ дѣла (?), христіанскимъ духовенствомъ намѣренно истолковывались и направлялись такъ, какъ-бы это были религіонистическія движенія. И изгнанія изъ данной мѣстности мало помогали дѣлу, такъ какъ евреи всегда умѣли позднѣе снова проползти туда, откуда были изгнаны. Изолированіе ихъ въ гетто, т. е. въ особые кварталы, — и къ этому ихъ всегда принуждали, — правда, въ известной степени, отдаляло ихъ

*) Ев. Дюрингъ „Еврейскій вопросъ и т. д.“ Переводъ Виктора Правдина. Москва 1906 г. стр. 142.

отъ остального населенія, но только тѣснѣе спланивало ихъ другъ съ другомъ. Оставалось также зіяющее противорѣчіе въ томъ, что одного изъ нихъ (т. е. евреевъ) чтили, какъ основателя религіи, а народъ, къ которому Онъ принадлежалъ, осуждали. Славословить духъ, а съ тѣломъ, изъ котораго этотъ духъ, по преданію, возникъ, вести войну—въ этомъ всегда чувствовалась какая-то дисгармонія. Никакое суевѣріе, никакая теорія о теперь отверженномъ, а когда-то, такъ называемомъ, народѣ Божіемъ, никогда не могли примирить этой непослѣдовательности и этого противорѣчія. Должно бы было сдѣлать нападеніе на самый этотъ неумѣстный духъ т. е. осудить и упразднить самое христіанство, чтобы уже можно было затѣмъ безповоротно покончить и съ тѣлеснымъ еврействомъ. Изъ однѣхъ странъ изгонять ихъ, чтобы они отправлялись въ другія—средство это не дальновидно и обманчиво... Если кое-какіе іудеи старой вѣры еще носятся со своею мнимою славой, которая будто-бы покрывала ихъ главы въ древности и потому мечтаютъ о возстановленіи Сіона, то это еще понятно. Но если другіе народы захотѣли-бы посодѣйствовать имъ въ этомъ, то это было-бы просто глупо. Такъ называемые современные сіонисты стремятся использовать эту мечту другихъ народовъ, чтобы осуществить нѣкотораго рода Сіонъ на акціяхъ, что, какъ говорятъ, уже подготавливается ихъ банками; они не прочь привлечь къ участию и нееврейскую публику и все это выдать за рѣшеніе еврейскаго вопроса. Если-бы нѣчто подобное было вообще выполнимо, то исполненіе этого бреда означало-бы только усиленіе еврейскаго могущества. Та змѣя, которая теперь извивается по всему свѣту, получила-бы такимъ образомъ своего рода голову, и тогда этотъ захватъ народовъ ея кольцами и это проникновеніе въ народы должны-бы были сдѣлаться еще вреднѣе и опаснѣе, чѣмъ было до сихъ поръ. Итакъ, будемъ довольны и тѣмъ, что римляне уже покончили съ еврейскимъ Іерусалимомъ, новый же Іерусалимъ, по византійски гальванизированный и населенный турками, былъ-бы пустымъ звукомъ и язвительной каррикатурой на исторію и т. д.»....

Изъ приведенныхъ словъ пресловутаго антисемита мы видимъ, что онъ совершенно отрицательно относится какъ къ обособленію евреевъ въ особое гетто, такъ и къ попыткамъ изгнать ихъ изъ страны. Какія же мѣры онъ предлагаетъ и до чего онъ додумался?

Отвѣтъ на это находимъ на 146 страницѣ названнаго изданія:

«Если на правительственныя средства и шаги противъ іудеевъ рассчитывать почти нечего, пока состоянія въ государствѣ таковы, какъ они есть, или даже ухудшаются еще болѣе, то нельзя и возлагать никакихъ надеждъ на мѣры, выполнимыя единственно въ предположеніи, что къ вашимъ услугамъ стоятъ правительства, сильныя въ антиеврейскомъ смыслѣ или, по крайней мѣрѣ, способныя дать поддержку. Мною предлагаемое средство состоитъ въ медиатизаціи іудейскихъ денежныхъ тузовъ и банковыхъ засильничествъ. Какъ въ политической сферѣ—мелкіе князьки и феодальные владыки поставлены въ зависимость отъ новыхъ государствъ, точно такъ-же и эта общественная денежная сила, сосредоточенная въ рукахъ евреевъ, т. е. вся эта спѣсивая іудейская финансовая знать должна быть поставлена подъ контроль государства, которое, для завѣдыванія ихъ богатствами, должно поставить кураторовъ, а подъ конецъ и совсѣмъ поставить ихъ въ полную зависимость отъ государства. Въ самомъ дѣлѣ, съ верховными правами государства отнюдь не совмѣстимо, да кромѣ того и разорительно и для народа это прямое или не прямое господство надъ обществомъ отдѣльныхъ іудейскихъ персонъ или институтовъ, располагающихъ миллиардами—господство, которое становится не только государствомъ въ государствѣ, а очень часто государствомъ надъ государствомъ, и можно-бы было, смѣха ради, сказать—стремится корчить изъ себя сверхчеловѣческое сверхгосударство».

Г. Дюрингъ, очевидно, забылъ, что такія-же стремленія плутократіи проявляются, напримѣръ, въ Америкѣ, хотя тамъ составъ ея совершенно не еврейскій, а индогерманскій; слѣдовательно, не понятно, почему онъ считаетъ необходимымъ

принимать мѣры только противъ одной еврейской плутократіи. Онъ, впрочемъ, и самъ сознаетъ, что его слова имѣютъ мало почвы подъ собою, а потому далѣе (стр. 151) говоритъ: «Прежде, чѣмъ дѣло дойдетъ до рѣшительной развязки, можно, по крайней мѣрѣ, въ частной жизни нѣсколько оградить и обезпечить себя путемъ просвѣщенія о евреяхъ и путемъ соотвѣтственной энергіи. Кромѣ того, разумѣется, не исключается еще одно средство, а именно, чтобы какъ въ государствахъ и въ общинахъ, такъ и въ союзахъ и фѣрейнахъ отнюдь не пренебрегали въ отдѣльныхъ случаяхъ устраненіемъ или удаленіемъ еврейской крови. Такой чистки никогда не слѣдуетъ упускать изъ вида и избѣгать нужно только иллюзий или даже ложныхъ партійныхъ обѣщаній, будто-бы сломить іудейское засиліе можно было-бы очень легко или быстро обыкновенными средствами».

Эти слова не представляютъ собою въ устахъ антисемитана ничего новаго или неожиданнаго и характерны только тѣмъ, что, при всей стремительности атаки нѣмецкаго автора на евреевъ, онъ все-же предлагаетъ, въ концѣ концовъ, старыя средства бойкотированія евреевъ не-евреями. Наконецъ, на страницѣ 159 Дюрингъ, перемѣшивая совершенно основательныя трузмы со своей ненавистью къ іудеямъ, восклицаетъ: «Лучшіе народы (?) должны непремѣнно возстать противъ всего преступнаго, будетъ ли это морально или юридически преступное, нанося всему этому ударъ во всѣхъ его формахъ, слѣдовательно, не только въ сферѣ индивидуальныхъ, но и въ формѣ общихъ проявленій. Только когда они поведутъ дѣло такимъ образомъ не только у себя самихъ, но и вообще, когда они повергнутъ въ прахъ какъ международное, такъ и индивидуальное безправіе, только тогда найдутъ они справедливыя по природѣ своей точки приложенія къ освобожденію себя отъ еврейскихъ безчинствъ. Они должны эмансипироваться отъ прочихъ своихъ оковъ, какъ политическихъ, такъ и духовныхъ, если хотятъ эмансипироваться, отъ евреевъ и страхнуть съ себя весь іудейскій кошмаръ. Когда-нибудь позднѣе, когда все придетъ въ порядокъ, пьеска злополучной

исторіи іудеевъ покажется міру, пожалуй, просто одной изъ досадныхъ случайностей, благодаря чему лучшіе народы получили возможность точнѣе познать собственное свое благо и въ полномъ устраненіи всего стоящаго на ихъ пути лучше узнать самихъ себя»...

Подробнѣе разбирать книгу Ев. Дюринга я здѣсь не стану, какъ вообще избѣгаю много полемизировать съ обширною антисемитскою литературою, сдѣлавъ въ этомъ отношеніи нѣсколько, казавшихся мнѣ необходимыми, исключеній, болѣе случайнаго, чѣмъ систематическаго характера. Въ виду, однако, нѣкотораго, правда, скандальнаго, успѣха книги Дюринга въ свое время въ Германіи, а теперь въ Россіи, объясняемаго хотя и неприличною, но именно потому никантною для извѣстной части публики рѣзкостью его, сужденій, я считаю нелишнимъ привести здѣсь нѣсколько характерныхъ фразъ изъ его книги, дѣлающія ее весьма похожею на ученый пасквиль. Такъ, на 3 страницѣ русскаго перевода мы читаемъ такіа строки: «Арабы-бедуины—не іудейскаго племени, но также семиты. И іудеи вообще есть дряннѣйшій отпрыскъ всей семитической расы, вылившійся въ особенно опасную для народовъ національность». Или такой перлъ: «Это, далеко ниже другихъ національностей стоящее, но имъ по природѣ своей враждебное и вредное племя всего пышнѣе размножается и роскошествуетъ тамъ, гдѣ духовныя и социальныя отношенія обнаруживаютъ сравнительно высшую степень испорченности и потому избилуютъ всякою грязью». Въ другомъ, однако, мѣстѣ (стр. 30 перевода) Дюрингъ говоритъ: «Христіанинъ, если онъ самъ себя понимаетъ, не можетъ быть вполнѣ серьезнымъ антисемитомъ»...

Дюрингъ такой фанатикъ своей предвзятой идеи, заключающейся въ томъ, что всѣ бѣды нашей современности, чуть ли не всѣ недостатки государственнаго и экономическаго строя обязаны еврейству, что всякій читатель, не зараженный его фанатизмомъ, поневолѣ долженъ отнестись вполнѣ скептически къ его утвержденіямъ и выводамъ. Но для убѣжденнаго антисемита книга его является кладомъ благодаря квази-

научному аппарату, научнымъ, хотя бы по внѣшности, приемамъ, онъ какъ-бы даетъ научное освѣщеніе всякимъ безобразіямъ въ отношеніи евреевъ до кровавыхъ погромовъ и поголовнаго истребленія ихъ включительно. И, несмотря на чисто-маніакальную злобу, расцвѣтшую на почвѣ личной обиды и мстительности, Дюрингъ все-таки долженъ былъ по логической необходимости, высказать приведенную мною выше мысль о тщетности стараній рѣшить еврейскій вопросъ путемъ обособленія іудеевъ съ помощью законодательства и о необходимости борьбы съ ними не столько при помощи государственной власти, сколько посредствомъ бойкота съ стороны не-христіанъ (такъ какъ христіанство поносится Дюрингомъ не менѣе іудаизма и признается имъ обладающимъ столь-же низкопробною этикою), а индоевропейской расы. Но если такой фанатическій ненавистникъ евреевъ сознаетъ всю безцѣльность ихъ преслѣдованія, въ видѣ ихъ обособленія, основаннаго на законодательствѣ, и предлагаетъ въ своей неприимимой злобѣ грубый самосудъ и бойкотъ со стороны неевреевъ, то странно, какъ менѣе ярые антисемиты, способные еще сохранить хладнокровіе, трактуя о еврейскомъ вопросѣ, не желаютъ понять, что наше спеціальное законодательство о евреяхъ никого не спасаетъ, не предохраняетъ отъ опасности, хотя-бы и сознательно раздуваемой.

Дѣйствительно, всѣ качества еврейскаго характера, отчасти намѣренно переувеличиваемыя ихъ ненавистниками, отчасти дѣйствительно существующія, которыя могутъ быть признаваемы антисоціальными, т. е. опасными для другихъ, цѣликомъ встрѣчаются, конечно, и у представителей другихъ расъ, но борьба ведется съ этими недостатками не путемъ законодательства, а посредствомъ воспитанія и образованія. Другое дѣло борьба съ послѣдствіями отрицательныхъ нравственныхъ качествъ: это, дѣйствительно, удѣлъ обдуманнаго законодательства, установленія нормальныхъ юридическихъ нормъ. Но если слѣдуетъ бороться съ мошенничествомъ, съ эксплуатаціей ближнихъ, съ развратомъ, то слѣдуетъ бороться съ ними, по возможности, во всѣхъ проявленіяхъ этихъ со-

ціальныхъ золь, независимо отъ того, еврейскаго ли они происхожденія, или индогерманскаго. Сомнительная во всѣхъ отношеніяхъ манера приписывать отдѣльнымъ племенамъ и расамъ присущія будто-бы имъ однимъ или преимущественно имъ нравственныя качества и недостатки, и на этомъ строить не только свои личныя симпатіи или антипатіи, но и самыя правовыя нормы или, по крайней мѣрѣ, внутреннюю политику страны не только можетъ, но и должна, если получить общее признаніе (отъ чего Боже насъ упаси), вызвать весьма неожиданныя для многихъ и опаснѣйшія послѣдствія: это наклонная плоскость, по которой можно унести, Богъ вѣсть куда. Сегодня русскій народъ рѣшаетъ расправиться съ евреями, завтра онъ сдѣлаетъ то-же самое съ армянами и греками, а послѣзавтра съ нѣмцами и т. д. Господа, вродѣ Дюринга, очевидно, наивно воображаютъ, что противъ нѣмецкаго характера ничего возразить нельзя, что отъ германскихъ качествъ всѣ въ восторгѣ и что, предоставивъ нѣмцамъ просвѣщать весь міръ, этимъ будетъ оказано несомнѣнное благодѣяніе ему; они, повидимому, и не подозреваютъ, что, хотя бы въ Россіи, есть мѣстности, гдѣ нѣмцевъ прямо ненавидятъ больше всѣхъ евреевъ, за то, что считаютъ именно ихъ, нѣмцевъ, эксплуататорами, отличающимися замѣчательною сплоченностью между собою, причемъ тоже «исторически» объясняютъ эти антисоціальныя для другихъ племенъ качества ихъ. Вѣдь на заданную въ этомъ смыслѣ тему можно написать сочиненіе, не менѣе убѣдительное, чѣмъ книги гг. Дюринга, Аустина Чемберлена и т. п., особенно если поручить это латышу или эстонцу, а еще лучше, можетъ быть познанскому поляку. Вѣдь вотъ, во время недавняго революціоннаго движенія въ Остзейскомъ краѣ, настоящіе индоевропейцы-латыши проявили несомнѣнную жестокость, на которую тоже индоевропейцы, германцы и славяне, отвѣтили не менѣе жестокими репрессіями; а вѣдь антисемиты готовы признать за евреями чуть-ли не монополію жестокости и безсердечія.

Въ нашихъ глазахъ, какъ русскихъ, конечно, нѣтъ симпатичнѣе народа, чѣмъ русскій. Но значитъ ли это, что всѣ

абсолютно должны намъ симпатизировать, что у насъ нѣтъ антипатичныхъ чертъ, дажъ прямо отрицательныхъ качествъ, которыхъ мы иногда сами не замѣчаемъ, но которыя ставятся намъ въ упрекъ другими, не-русскими людьми и дѣлаютъ насъ въ глазахъ нѣкоторыхъ инородцевъ, можетъ быть, даже антипатичными? Вѣдь ясно, что на симпатіяхъ и антипатіяхъ основывать законодательство, внутреннюю свою политику нельзя.

Антисемиты хотятъ насъ увѣрить, что всѣ евреи только и думаютъ о наживѣ, о своемъ обогащеніи за счетъ другихъ; это убѣжденіе такъ укоренилось у христіанскихъ народовъ, что алчность и любостыжаніе евреевъ стали почти общимъ мѣстомъ, какъ-бы непреложною аксіомою. Между тѣмъ, какъ разъ въ чертѣ еврейской осѣдлости чаще, чѣмъ думаютъ, встрѣчается такое явленіе: отецъ семейства ничѣмъ не занимается, кромѣ такъ называемой науки, конечно, наукою не въ нашемъ смыслѣ, а богословскою, талмудическою наукою, и не только не заботится о приобрѣтеніи богатствъ, объ удобствахъ своей жизни или о благосостояніи своихъ присныхъ, но весь уходитъ въ свои умозрительныя занятія, предоставивъ весь домъ, всѣ денежныя заботы женѣ, которая бьется часто, какъ рыба объ ледъ, чтобы одѣть и накормить какъ его самага, такъ и свою дѣтвору. Во всякомъ другомъ народѣ такой человѣкъ считался-бы почти никуда негоднымъ оригиналомъ, его упрекали-бы въ полной непрактичности, въ томъ, что онъ, увлекаясь своими бреднями, забываетъ подумать объ интересахъ, какъ своихъ собственныхъ, такъ и своихъ ближнихъ; евреями, напротивъ того, такой типъ считается не только нормальнымъ, но достойнымъ полного уваженія, ставится въ примѣръ другимъ; жена такого еврея не подумаетъ упрекнуть его за то, что онъ занятъ чѣмъ-то бесполезнымъ и не бращаетъ вниманія на нужды семьи; нѣтъ, она, напротивъ того, хвастается тѣмъ, что имѣетъ такого ученаго мужа, находитъ поведеніе его совершенно естественнымъ, успокаиваетъ его, когда онъ обращаетъ вниманіе на бѣдность своей семьи, увѣреніями, что на всѣхъ хватитъ. И

сосѣди, и сосѣдки хвалятъ жену мудреца, поощряютъ ее и даже завидуютъ, что ей досталось такое счастье въ лицѣ ученаго и мудраго мужа.

Слѣдуетъ подчеркнуть, что такое явленіе въ чертѣ еврейской осѣдлости далеко не исключительное, а, напротивъ, типичное, и, конечно, менѣе всего говоритъ въ пользу того, что семиты, какъ раса, способны только думать о наживѣ. Я нисколько не намѣренъ пѣть здѣсь панегирикъ евреямъ и приводить анекдоты, характеризующіе ихъ положительныя качества, но думаю, что необходимо указать на слѣдующее: возведенная въ систему повадка приписывать семитамъ и специально евреямъ, какъ расѣ, только отрицательныя и вредныя для не-семитовъ качества въ самомъ своемъ корнѣ фальшива и построена на самой зыбкой почвѣ, а между тѣмъ именно на ней основанъ самый антисемитизмъ. Несомнѣнно, и это, конечно, подтвердить всякій, жившій въ чертѣ осѣдлости евреевъ, что среди ихъ бѣдноты гораздо чаще, чѣмъ посмѣли бы допустить антисемиты, встрѣчаются самой чистой воды идеалисты, люди не отъ міра сего, созерцатели и филантропы, не только безвредные для другихъ, но, кромѣ симпатіи къ себѣ, ничего не могущіе внушить.

Обычно повторяемая легенда о томъ, что евреи ненавидятъ христіанъ (гоевъ) и желаютъ имъ зла, не считаютъ ихъ своими ближними и т. п., получаетъ довольно странное освѣщеніе, когда сплошь и рядомъ приходится какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ встрѣчать, напротивъ христіанъ, или точнѣе не-евреевъ, (ибо истинный христіанинъ всякаго еврея ненавидѣть не можетъ) ненавидящихъ или презирающихъ огульно всѣхъ евреевъ и притомъ принципиально относящихся настолько отрицательно и подозрительно ко всякому проявленію семитизма, что они отыскиваютъ дурныя черты характера въ потомкахъ евреевъ чуть-ли не до десятаго колѣна, въ людяхъ, ведущихъ свой родъ отъ выкрестовъ XVII и XVIII столѣтій. Евреевъ, ненавидящихъ всѣхъ христіанъ или всѣхъ не-евреевъ, ни мнѣ, ни читателю этихъ строкъ, кто-бы онъ ни былъ, я увѣренъ въ этомъ, въ жизни не приходилось

встрѣчать, а встрѣчали мы ихъ только въ злыхъ для евреевъ сказкахъ, въ романахъ, да въ специальной антисемитской литературѣ, на которой, въ сущности, главнымъ образомъ и основываются убѣжденія въ какой-то особенной злобности и безсердечіи евреевъ. Можетъ быть, и существуютъ отдѣльные фанатики въ самыхъ низахъ еврейской безправной массы, ненавидящіе гоевъ, какъ таковыхъ, но, очевидно, это рѣдкія исключенія, которыхъ ни мнѣ, ни лично читателю этихъ строкъ, навѣрно, не приходилось въ своей жизни встрѣчать.

Въ христіанскомъ обществѣ, основательно забывшемъ одинъ изъ краеугольныхъ камней евангельской этики, — объ обязанности прощать врагамъ и любить ненавидящихъ насъ (весьма неудобный принципъ, между прочимъ, для всякаго антисемита, а потому рѣшительно отвергаемый, напримѣръ, Дюрингомъ, признающимъ его нелѣпнымъ и вреднымъ), не только иногда, но прямо какъ общее правило, принято при всякомъ безнравственномъ поступкѣ еврея приписывать его специфическимъ особенностямъ всей расы, не объяснять его испорченностью или недостатками даннаго субъекта, а его семитическимъ происхожденіемъ, его еврейской натурою. Если русскій или нѣмецъ надуетъ или проворуется, его называютъ просто мошенникомъ и на него указываютъ, какъ на печальное исключеніе, а если въ чемъ-нибудь попадетъ еврей, тожимаютъ плечами и говорятъ: «Что же вы хотите — жидъ; другого и ожидать нельзя было». На подобныхъ сужденіяхъ, какъ это ни странно и даже чудовищно, фактически строятъ затѣмъ обвиненія противъ цѣлой расы: мало того, на основаніи огульныхъ обвиненій, эту расу истязуютъ, ее поносятъ и, когда представители ея реагируютъ на такое обращеніе возмущеніемъ,—говорятъ: «Посмотрите, какъ евреи злы и какъ они насъ ненавидятъ!» Смиреніе и терпѣніе тоже мало помогаютъ евреямъ, тогда приписываютъ имъ низменные чувства, подхалимство, говорятъ, что это племя рабовъ, выработавшее рабскую этику, органически противную намъ— гордымъ и свободолюбивымъ индоевропейцамъ! Намъ дозволено быть гордыми и хвалиться своею культурою, принадлежностью къ высшей

расѣ—это называется самосознаніемъ, чувствомъ собственнаго достоинства, тогда какъ еврей не смѣетъ заикнуться о достоинствахъ своей расы въ сравненіи съ другими: это съ его стороны будетъ сочтено наглостью, а въ лучшемъ случаѣ комичнымъ самоуниженіемъ, граничащимъ съ нахальствомъ! Еврей не смѣетъ свое сужденіе имѣть о христіанскихъ дѣлахъ или о дѣлахъ вообще не-евреевъ. Это съ его стороны признается безстыдствомъ или, по меньшей мѣрѣ, неапатичнымъ и всегда подозрительнымъ въ смыслѣ желанія обдѣлать какое-нибудь выгодное для него дѣло; а христіанинъ, смѣло и открыто ругающій евреевъ, обливающій ихъ помоями — герой, храбрый защитникъ правды, если и увлекающійся иногда въ своемъ благородномъ порывѣ, то все-же достойный уваженія уже потому, что, съ одной стороны, является защитникомъ своего народа, а съ другой, и это главное, подвергается, будто, страшной опасности со стороны мстительныхъ евреевъ. Это тоже одна изъ тѣхъ легендъ, которая, усердно многими поддерживаемая, считается, кажется, непреложною истиною: если кто-нибудь возстаетъ противъ евреевъ, говоритъ о нихъ дурно или даже недостаточно почтительно, то такого человѣка, будто-бы, такъ или иначе евреи погубятъ, обладая для этого какимъ-то особымъ умѣніемъ и особыми роковыми средствами. Я лично, долженъ сознаться, испыталъ, хотя и не въ такой, конечно, мѣрѣ, какъ-разъ обратное: каждый разъ, когда мнѣ, хотя бы мимоходомъ, между прочимъ, въ какой либо-статьѣ приходилось коснуться вопроса о несправедливомъ отношеніи къ евреямъ, о преслѣдованіи евреевъ — я тотчасъ начиналъ получать серію ругательныхъ или увѣщательныхъ анонимныхъ писемъ, отчасти съ нелѣпыми обвиненіями въ подкупѣ меня евреями, отчасти же даже съ угрозами расправиться со мной за мое «предательство» по отношенію къ русскому народу.

Можетъ быть, хулители евреевъ получаютъ, въ свою очередь, такія-же письма съ угрозами отъ евреевъ,—я этого не знаю, такъ какъ никого еще печатно не ругалъ, ни евреевъ, ни христіанъ, но если это и такъ, то во всякомъ случаѣ

евреи, очевидно, въ этомъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи не отличаются отъ антисемитовъ. Русскій, встающій на защиту человѣческихъ правъ евреевъ, считается обыкновенно въ обществѣ или не вполне безопаснымъ оригиналомъ, или ограниченнымъ, неумнымъ человѣкомъ или, наконецъ, интриганомъ, преслѣдующимъ какія-нибудь особыя цѣли; вообще на такую защиту смотрятъ неодобрительно, и самое мягкое замѣчаніе, которое услышишь—это: «охота, моль, вамъ возиться съ жидами, когда необходимо такъ много позаботиться о своихъ, о русскихъ»... Точно забота о своихъ, о русскихъ, совершенно несовмѣстима со справедливымъ и благоволительнымъ отношеніемъ къ евреямъ.

Говорю я это не съ цѣлью жаловаться на несправедливое къ себѣ отношеніе и не съ тѣмъ, чтобы намегнуть, что, излагая свои мысли по еврейскому вопросу въ томъ духѣ, какъ я это дѣлалъ и дѣлаю, считаю это со своей стороны особою какою-либо смѣлостью, а указалъ на вышеизложенные факты исключительно для того, чтобы развѣнчать предполагаемое геройство открытаго объявленія себя антисемитомъ, такъ какъ думаю, что такой открытый антисемитизмъ несколько по существу не опаснѣе, чѣмъ борьба съ антисемитизмомъ. Но тутъ я перехожу на личную почву, а потому далѣе распространяться на эту тему не стану.

Пѣть дифирамбы еврейству я не намѣренъ и даже восхвалять особыя ихъ качества, а тѣмъ менѣе какія-либо специфическія ихъ добродѣтели, такъ какъ я убѣжденный сторонникъ того положенія, что достоинства и недостатки націй или племенъ находятся въ прямой зависимости отъ тѣхъ условій, въ которыя они поставлены, а кромѣ того убѣжденъ, что всюду встрѣчаются люди добродѣтельные и люди злые, а статистическимъ подсчетомъ таковыхъ никто еще серьезно не занимался, какъ дѣломъ явно бесплоднымъ (статистика преступности, конечно, не даетъ показателя числа злыхъ людей, а только преступныхъ, что, какъ всякому понятно, далеко не одно и то-же). Вполнѣ слѣдуетъ признать существующимъ фактомъ національныя и расовыя симпатіи и анти-

патіи, хотя слѣдуетъ сожалѣть о ихъ существованіи и почти всегда можно установить ихъ искусственное происхожденіе; но нельзя строить законодательство на антипатіяхъ: это дѣло частное, а не общественное. Нельзя никому запретить принципиально, хотя бы изъ прирожденной антипатіи, ничего не заказывать евреямъ, не покупать въ еврейскихъ лавкахъ, не лечиться у еврейскихъ врачей (послѣднее труднѣе, когда человекъ боленъ, а еврейскій врачъ знающій), не принимать у себя евреевъ, не знакомиться съ ними. Все это, повторяю, дѣло частное, но возводить антипатію въ общественный или, что еще хуже, государственный принципъ—вредно, а потому недопустимо, какъ вещь опасная для самаго государства и для общества, какъ причина его постепеннаго одичанія.

Антисемитизмъ является своего рода болѣзью, притомъ хроническою и заразною, доводящею иногда людей до галлюцинацій: люди, зараженные ею, всюду видятъ «жида», ему одному приписываютъ все злое, все даже нежелательное въ жизни; люди, ею болѣющіе, готовы заподозрить всякаго, антипатичнаго имъ лично человека въ томъ, что въ жилахъ его течетъ извѣстная доля еврейской крови, объясняютъ всякія отрицательныя черты въ человекѣ тѣмъ, что въ числѣ его предковъ навѣрно былъ семитъ. Горбатый носъ, глаза съ «поволокою», слишкомъ курчавые черные волосы настраиваютъ болѣющаго антисемитизмомъ сразу подозрительно, а въ минуты обостренія болѣзни, когда заболѣванія ею принимаютъ массовый эпидемическій характеръ, такіе признаки могутъ повести къ крайне печальнымъ для обладателя ихъ послѣдствіямъ, какъ это случалось неоднократно, на примѣръ, въ Одессѣ и въ другихъ городахъ, когда во время погрома или другихъ взрывовъ ненависти къ евреямъ избивались люди, похожіе на евреевъ или показавшіеся такими погромщикамъ.

И вотъ, при господствѣ такихъ-то воззрѣній и такихъ дикихъ послѣдствій этихъ воззрѣній наше законодательство о евреяхъ отдаетъ громадное большинство ихъ во власть, почти безконтрольную, своихъ низшихъ агентовъ. Ясно, что про-

исходящее не могло не произойти, а именно развитіе обоюдной ненависти, недовѣрія, а въ концѣ концовъ одичаніе.

Повторяю, не хвалить евреевъ, не восхвалять качества семитической расы является моимъ намѣреніемъ, а обратить вниманіе всѣхъ, кому сіе вѣдать надлежитъ, а также всѣхъ интересующихся вопросамъ, на то, что законодательная политика отчужденія по отношенію къ евреямъ ведетъ Россію къ самымъ тяжкимъ послѣдствіямъ, которыя отчасти уже и на лицо и уже возложили тяжелую отвѣтственность передъ родиною на совѣсть инициаторовъ и продолжателей этой политики; единственнымъ извиненіемъ, конечно немаловажнымъ, является для многихъ изъ нихъ то, что они дѣйствовали *«bona fide»*, думая, что оказываютъ важную услугу отечеству. Такъ и напрашиваются при этомъ священныя слова нашего Спасителя на крестѣ: „прости имъ Господи: не вѣдали, что творили!..“

Пора, давно пора сознаться въ ошибкахъ и повернуть направленіе нашего законодательства въ сторону противоположную той, которой оно доселѣ держалось, за рѣдкими исключеніями. И пусть не увѣряютъ лицемѣры, что опасно давать права евреямъ изъ-за послѣдствій, которымъ они сами подвергнутся, изъ опасеній, что самый фактъ такого дарованія натолкнетъ христіанъ на погромы, чуть-ли не на поголовное истребленіе евреевъ: во-первыхъ, это предположеніе основывается на болѣе чѣмъ шаткихъ разсужденіяхъ, а, во-вторыхъ, если бы даже прорицатели оказались правы, хотя-бы въ извѣстной мѣрѣ—хуже того, что есть теперь, не будетъ; но, что важнѣе всего—Россія исполнить священный долгъ справедливости по отношенію къ семи милліонамъ своихъ гражданъ, а фактъ исполненія долга покрываетъ собою всѣ его послѣдствія. Конечно, будетъ очень жаль, если правительственная власть не сможетъ оградить освобожденныхъ ею евреевъ отъ погромовъ и иныхъ ужасовъ антисемитской разнузданности, что составляетъ ея священную обязанность; но прекратится, по крайней мѣрѣ, тотъ позоръ, что она, какъ теперь, нравственно, а иногда и фактически, въ лицѣ своихъ

увлекшихся агентовъ, участвовать въ этихъ ужасахъ, предварительно связавъ жертвъ людской ненависти по рукамъ и по ногамъ. Пословица «лежачаго не бьютъ»—хорошая русская пословица, и я убѣжденъ, что если понадобится защита русскихъ отъ предполагаемой, для меня болѣе чѣмъ гадательной, массовой еврейской эксплуатаціи, въ случаѣ дарованія іудеямъ равноправія, то наиболѣе благородныя и честныя натуры среди русскихъ, т. е. самый цѣнный матеріалъ въ предстоящей якобы экономической борьбѣ, только тогда примутъ въ ней участіе, когда онѣ будутъ имѣть передъ собою равноправнаго противника, а не будутъ себя чувствовать сообщниками правительственной борьбы съ угнетаемымъ и преслѣдуемымъ, всею силою законодательства, племенемъ.

VIII.

Остается мнѣ сказать еще нѣсколько словъ о томъ, какое предположительно, положеніе займутъ евреи, когда эмансипація ихъ станетъ совершившимся фактомъ. Прежде всего, долженъ сознаться, что я не вѣрю, какъ я уже имѣлъ случай высказать раньше, чтобы движеніе евреевъ внутри Россіи, ихъ проникновеніе въ бывшія для нихъ доселѣ запретными мѣстности, приняло на первое время сколько-нибудь значительные размѣры. Впослѣдствіи, по прошествіи нѣкотораго времени, это расселеніе, напротивъ, навѣрное совершится, обратившись, вѣроятно, въ болѣе или менѣе основательное внѣдреніе въ остальную массу населенія на всемъ пространствѣ страны, причемъ число евреевъ въ Царствѣ Польскомъ, въ Юго-Западномъ и Сѣверо-Западномъ краяхъ значительно со временемъ сократится. Медленность еврейскаго передвиженія явится послѣдствіемъ, съ одной стороны, крайней бѣдности населенія черты осѣдлости, которая не позволитъ ему немедленно переселиться, а съ другой, уничтоженіе существующихъ ограниченій въ правѣ жить въ сельскихъ мѣстностяхъ въ предѣлахъ самой черты поведетъ къ расселенію евреевъ внѣ городовъ и мѣстечекъ, пока въ предѣлахъ самой черты.

Сохранять-ли, при расселеніи по всей Россіи, евреи свои національныя черты, или претворятся съ теченіемъ времени въ остальномъ окружающемъ ихъ населеніи? Вопросъ этотъ далеко не академическій и имѣютъ свою практическую важность.

Лично я склоняюсь скорѣе къ вѣроятности перваго, чѣмъ втораго предположенія, на основаніи ряда соображеній.

Опредѣленіе понятія націи, какъ всякое вообще опредѣленіе, не можетъ почитаться окончательно установленнымъ, но наиболѣе простымъ можетъ считаться слѣдующее: нація есть народный организмъ, соединенный общностью языка и

историческихъ традицій, живущій на опредѣленной территоріи, въ отличіе отъ племени, при опредѣленіи какового понятія требуется главнымъ образомъ общность физическаго происхожденія и языка. Хотя латыши или эсты обитаютъ въ опредѣленныхъ, и притомъ еще съ доисторическихъ временъ ими занятыхъ территоріяхъ, говорятъ на отличныхъ отъ всѣхъ другихъ языкахъ, но не признаются націями; о финской націи стали говорить только съ тѣхъ поръ, какъ Великое княжество составило особую политическую единицу, но къ этой націи никто пока не причисляетъ единокровныхъ съ финнами мордвинъ, вотяковъ или даже русскихъ кареловъ, хотя послѣдніе составляютъ съ ними одно и то-же племя, причемъ къ финскому племени, а не націи, причисляютъ весьма отдаленныхъ сородичей; однако, никому, конечно, не придетъ въ голову называть мадьяръ финскою націею, хотя всѣ теперь знаютъ, что въ основномъ своемъ составѣ они принадлежатъ къ угро-финскому племени. Большинство американцевъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ и англичанъ принадлежатъ къ такъ-называемому англо-саксонскому племени, но англо-саксонскіе граждане Соединенныхъ Штатовъ не согласятся съ причисленіемъ ихъ къ англійской націи, тогда какъ потомки чистѣйшихъ ирландцевъ или нѣмцевъ причисляются другими и сами себя причисляютъ къ американской націи и т. д. Поэтому я предпочитаю говорить не о еврейской націи, какъ въ послѣднее время нѣкоторые любятъ выражаться, а о еврейскомъ племени, какъ существуютъ славянское, германское и т. д. племя или, пожалуй, о еврейской народности.

Я держусь того убѣжденія, что всякое племя, всякая народность имѣетъ неотъемлемое право стремиться къ осуществленію тѣхъ нравственныхъ и этическихъ идей, носителями которыхъ они себя считаютъ, въ силу своихъ преданій и своей исторіи. Нормальное развитіе гражданственности въ государствѣ обуславливается умѣніемъ уравновѣсить эти разнородныя стремленія въ такомъ направленіи, чтобы единое для всѣхъ народностей, населяющихъ его, отечество помогло

найти и установить равнодѣйствующую ихъ дѣятельности. Мнѣ думается, что обезличеніе отдѣльныхъ племенъ и народностей, ихъ полное раствореніе въ окружающей ихъ средѣ другого племени были-бы положительною потерей для жизни человѣчества, содѣйствовали-бы тому, что жизнь стала-бы сѣрою, скучною, менѣе содержательною; кромѣ того, слишкомъ скоро терялись-бы многія цѣнныя качества, не прирожденные, въ которыя я не могу вѣрить, а выработанныя исторіею отдѣльныхъ племенъ, качества, имѣющія, однако, положительное значеніе въ общей сокровищницѣ человѣчества.

Такимъ образомъ, я не могу придавать ни этической, ни эстетической цѣнности самому факту возможнаго сліянія евреевъ съ остальными народностями Россіи, такъ какъ такое сліяніе обезличило бы семитовъ и сдѣлало-бы ихъ, въ концѣ концовъ, почти неузнаваемыми въ средѣ другихъ племенъ. Поэтому, я совершенно искренно привѣтствовалъ-бы старанія тѣхъ евреевъ, которые прилагали-бы все усилія для сохраненія въ возможной чистотѣ еврейской религіи и обычаевъ, не вредящихъ неевреямъ, ихъ языка и т. д., находилъ-бы вполне естественнымъ и нисколько не опаснымъ образованіе племенныхъ союзовъ евреевъ, имѣющихъ цѣлью взаимную помощь и защиту своихъ народныхъ интересовъ, при непремѣнномъ, однако, условіи, чтобы все дѣлалось открыто и не преслѣдовало цѣлей господства надъ другими или тѣмъ болѣе экономической эксплоатаціи. Государство могло-бы смотрѣть на образованіе такихъ союзовъ совершенно спокойно, и слѣдуетъ даже сказать, что чѣмъ спокойнѣе и безпристрастнѣе оно будетъ смотрѣть на подобныя явленія, даже чѣмъ откровеннѣе оно будетъ покровительствовать имъ, тѣмъ болѣе явится увѣренности въ томъ, что безъ насильственнаго вмѣшательства государства, безъ стараній съ его стороны играть во что-бы то ни стало регулирующую роль въ такой области—племенные организаціи не вырождаются въ опасныя для его престижа и цѣлости политическіе союзы. Напротивъ того, при грубомъ вмѣшательствѣ, такіе союзы не погибаютъ, но обыкновенно преобразуются въ тайныя, и тогда, дѣйстви-

тельно, становятся опасными какъ для правительства, какое-бы при томъ оно ни было, такъ и для общества, для самой страны, для всего государства.

Признавая, однако, все сказанное выше, нельзя не сознаться, что въ практическихъ интересахъ общежитія, часто имѣющихъ мало общаго съ интересами отдѣльныхъ группъ населенія, выгоднѣе всего полное сліяніе всѣхъ этническихъ элементовъ страны, ихъ наиболѣе совершенная, выражаясь опредѣленно, нивелировка. Но этой цѣли совершенно невозможно достигнуть искусственными мѣрами, а тѣмъ болѣе насиліемъ: такая нивелировка можетъ осуществиться только путемъ естественной эволюціи и только тогда, если государство, по возможности, совершенно воздержится отъ какого-либо подозрительнаго вмѣшательства въ этотъ процессъ.

Я лично не только думаю, но убѣжденъ, что этотъ процессъ неминуемо начнется вслѣдъ за эмансипаціей евреевъ: я убѣжденъ, что послѣдуетъ претвореніе ихъ въ окружающую ихъ средѣ посредствомъ постепеннаго сглаживанія ихъ рѣзкихъ особенностей. Одинъ хорошій знатокъ американской жизни мнѣ говорилъ, что еврей-иммигранты сохраняютъ свои типичныя особенности въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ только въ первомъ, много во второмъ поколѣніи, сливаясь затѣмъ такъ тѣсно съ кореннымъ населеніемъ, что отличить американскаго еврея отъ подлиннаго янки почти невозможно, если онъ не сохранитъ своей еврейской фамиліи. Рѣзко отличаются отъ окружающей ихъ среды только сами иммигранты, а потому американцы смотрятъ на нихъ косо и не спѣшатъ принимать ихъ въ свою среду, но родившіеся въ Америкѣ евреи настолько уже американизируются, что сами янки признаютъ ихъ своими. Это явно происходитъ потому, что никто тамъ не думаетъ вмѣшиваться въ ихъ внутреннюю жизнь или мѣшать «самоопредѣляться», почему они, не сцементированные преслѣдованіями и излишними заподозриваніями, быстро понимаютъ всю выгоду для себя стать похожими на другихъ и, дѣйствительно, становятся похожими. Когда у насъ въ Россіи перестанутъ выдѣлять евреевъ въ особую

группу полуправныхъ людей, когда перестанутъ официально считать ихъ вѣру суевѣріемъ, глумиться надъ ихъ обычаями, вѣроятно же всего получатся тѣ-же результаты, что и въ Сѣверной Америкѣ.

Когда прекратится у насъ преслѣдованіе еврейской народности, то у нея останется два элемента сцѣпленія: религія и языкъ. Что касается религіи, то не подлежитъ сомнѣнію, что еврей, получившій высшее и даже только среднее образованіе, какъ общее почти правило, становится безразличнымъ къ вопросамъ своей вѣры. Сплошь и рядомъ онъ становится человѣкомъ даже совершенно невѣрующимъ, атеистомъ; исключенія только подтверждаютъ общее правило.

Что относится до необразованныхъ евреевъ, то я позволю себѣ привести здѣсь слѣдующія строки изъ извѣстнаго собранія статей М. Г. Моргулиса (Вопросы еврейской жизни. С.-Петербургъ 1889 г.): «Кто знаетъ хорошо евреевъ, знаетъ также и то, что самый ортодоксальный еврей, который въ своемъ скученномъ гнѣздѣ играетъ даже роль охранителя правовѣрнаго еврейства, въ другомъ мѣстѣ, куда онъ на время переѣзжаетъ, въ самой Россіи, позволяетъ себѣ такія нарушенія правилъ вѣры, за которыя онъ дома готовъ былъ-бы наложить высшую мѣру наказанія. При скученной жизни среди людей, которые искони соблюдаютъ одно и то же, рутинная традиція становится молчаливо обязательною въ силу стадной приверженности къ выработаннымъ привычкамъ посягательство на которыя составляетъ какъ-бы неуваженіе, ко всему стаду, въ особенности, когда это стадо постоянно осаждается непріателемъ и цѣпляется за свои привычки, какъ за единственный якорь спасенія въ борьбѣ съ окружающею опасностью. Но если члены того-же стада, волею неожиданныхъ обстоятельствъ, бываютъ поставлены въ новыя условія, они, не чувствуя гнета среды, охотно принимаютъ болѣе свободныя правила жизни, какъ новое, болѣе сподручное руководство. То-же будетъ и съ самыми ортодоксальными евреями, если они будутъ поставлены въ совершенно инныя условія жизни»... (Стр. 578—579 названнаго изданія).

Народнаго еврейскаго языка, по существу, нѣтъ: древне-еврейскій сталъ богослужебнымъ, мертвымъ языкомъ, гораздо болѣе отдаленнымъ отъ живой рѣчи, чѣмъ, на примѣръ, латинскій языкъ католической церкви отъ итальянскаго, не говоря уже о языкѣ церковно-славянскомъ при сравненіи его съ русскимъ или малороссійскимъ. Древне-еврейскій языкъ совершенно непонятенъ огромному большинству евреевъ; жаргонъ, на которомъ говорятъ почти всѣ евреи, живущіе въ Россіи, непонятенъ французскимъ, итальянскимъ, алжирскимъ евреямъ и, хотя въ своей основѣ, представляетъ собою ничто иное, какъ средневѣковое нѣмецкое нарѣчіе съ разными добавленіями и искаженіями, онъ непонятенъ даже многимъ нѣмецкимъ евреямъ. Попытки, пока довольно удачныя, къ возрожденію и развитію еврейскаго жаргона, дѣлаемыя въ Америкѣ, въ концѣ концовъ окажутся, вѣроятно, тщетными или по крайней мѣрѣ, не оправдаютъ въ полной мѣрѣ надеждъ еврейскихъ націоналистовъ; это движеніе поддерживается почти исключительно тѣмъ фактомъ, что еврейская иммиграція въ Америку идетъ изъ Россіи. Но и въ самой Россіи уже и теперь встрѣчается довольно значительное количество образованныхъ евреевъ, которые не умѣютъ говорить на жаргонѣ, а есть и такіе, которые почти совсѣмъ его не понимаютъ; кромѣ того, жаргонъ польскихъ евреевъ отличается замѣтно отъ того, на которомъ говоритъ одесскій еврей, а отъ нихъ отличается жаргонъ еврея, родившагося въ центральной Россіи. Съ научной, филологической точки зрѣнія, жаргонъ не есть языкъ, а только искаженное нарѣчіе, и притомъ не семитическое нарѣчіе, а индогерманское съ самыми иногда неожиданными примѣсами и болѣе или менѣе фантастическими измѣненіями.

Такимъ образомъ, эмансипированному іудейству придется поневолѣ прибѣгнуть къ искусственнымъ средствамъ, чтобы сохранить свою рѣзко очерченную нынѣ индивидуальность. Надолго ли этихъ средствъ хватитъ и будутъ ли они столь дѣйственны, какъ на то надѣются не желающіе претворенія, а только сліянія народностей подъ кровомъ одной государ-

ственности—въ этомъ весь вопросъ. Искренно ненавидя сѣрое однообразіе, беспощадную нивелировку всего существующаго, какъ сторонникъ индивидуализма во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, я съ нѣкоторою грустью почти убѣжденъ въ тщетѣ этихъ усилій и думаю, что какъ-только эмансипація будетъ дарована русскимъ евреямъ, такъ процессъ ихъ претворенія въ индо-европейской средѣ пойдетъ ускореннымъ темпомъ, особенно если установится обычай смѣшанныхъ браковъ. Несомнѣнно, останутся русскіе, нѣмцы, французы Моисеева закона, но они будутъ все-же настоящіе русскіе, нѣмцы, французы, а семитизмъ ихъ скоро забудется; мнѣ кажется, что этотъ процессъ можетъ быть серьезно задержанъ только однимъ—антисемитскою агитаціею и нетерпимостью неевреевъ, ихъ отрицательнымъ отношеніемъ къ іудейству; какъ только прекратится такое отношеніе, такъ ассимиляція пойдетъ, можетъ быть, даже къ обоюдному сожалѣнію, но помимо воли отдельныхъ лицъ, гигантскими шагами впередъ. Съ эстетической точки зрѣнія это будетъ весьма жаль, съ практической—вѣроятно, очень хорошо.

Да не заподозрятъ меня друзья еврейства и сами евреи въ томъ, что эти строки написаны въ духѣ тѣхъ предостереженій, которыя любятъ выставлять русскіе антисемиты, говоря, что дарованіе правъ евреямъ будетъ несчастіемъ для нихъ самихъ, такъ какъ вызоветъ всюду погромы, чуть-ли не поголовное ихъ истребленіе. Въ томъ, что я предвижу, нѣтъ физической опасности, и результатъ сліянія еевреевъ съ остальными русскими согражданами никакого вреда индивидуально евреямъ не нанесетъ. Если и существуетъ, какъ мнѣ кажется, весьма реальная опасность для еврейства потерять, вмѣстѣ съ приобрѣтеніемъ правъ, многія свои индивидуальныя черты, то это соображеніе не должно и не можетъ являться для нихъ предлогомъ для отказа отъ этихъ правъ, слишкомъ давно отъ нихъ отнятыхъ, тѣмъ болѣе, что сказанное мною является личнымъ мнѣніемъ, можетъ быть ошибочнымъ, тогда какъ отсутствіе правъ является слишкомъ реальнымъ и больно отзывающимся на всей жизни фактомъ.

ПО ПОВОДУ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНІЯ ЕВРЕЕВЪ.

«Во всемъ какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними» (Ев. отъ Матѳ. гл. 8, ст. 12), вотъ божественный законъ, обязательный къ исполненію для каждаго, считающаго себя, а тѣмъ болѣе сознающаго себя христіаниномъ, а также для всего христіанскаго общества. Но согласился ли бы кто-либо изъ російскихъ гражданъ-христіанъ, чтобы съ нимъ поступали такъ, какъ поступали въ Россіи съ евреями? согласился ли бы онъ, чтобы ему запретили выѣзжать за извѣстную черту осѣдлости? мѣшали бы его дѣтямъ всѣми средствами поступить въ школу, получить образованіе? закрыли бы доступъ на государственную службу, затруднили бы до крайнихъ предѣловъ участіе въ общественной? старались бы на каждомъ шагу съ дѣтскаго возраста и до самой смерти унижить предъ лицомъ всѣхъ согражданъ другихъ вѣроисповѣданій или другого происхожденія?..

Вы презираете ихъ, ненавидите ихъ, обвиняете во всемъ, въ чемъ угодно заподозрить ихъ первому попавшемуся маіаку или лгуну, и требуете, чтобы они любили васъ, уважали васъ, помогали, когда вамъ это нужно. Вы кому-то или чему-то служите, господа ненавистники евреевъ, только не Богу, не добру. Вы вредите въ вашемъ ослѣпленіи прежде всего самимъ себѣ и нашему отечеству, дорогой и многострадальной Россіи, которую любятъ и не могутъ не любить, не менѣе васъ, ваши сограждане-евреи: они знаютъ, что Россія никого не ненавидитъ изъ своихъ вѣрныхъ и любящихъ сыновъ, а дѣлаютъ это только нѣкоторые люди, которымъ по ихъ природѣ или велѣдствіе дурного воспитанія

нужно кого-нибудь или что-нибудь ненавидѣть. По дѣламъ ихъ познаете ихъ, этихъ волковъ въ овечьей шкурѣ.

Боритесь со зломъ, съ дурными людьми, но поддерживайте добро и хорошихъ людей, творите сами всѣмъ добро и не судите человѣка по его случайному происхожденію, потому что онъ отъ еврейскихъ или христіанскихъ родителей, что онъ исповѣдуетъ ту или иную вѣру. Помните, что всѣ люди рождаются одинаково нагими и что всѣ должны умереть, и поэтому не кичитесь другъ передъ другомъ происхожденіемъ, а твердо помните, что всѣ равны передъ Богомъ, передъ Истиною и должны быть равны передъ справедливымъ Закономъ.

Неравноправность не совершившихъ никакого преступленія гражданъ одного государства теоретически недопустима, а на практикѣ всегда давала, даетъ и будетъ давать злые плоды, послѣдствія, пагубныя для государства и для общества, такъ какъ самое существованіе такой несправедливости возвращаетъ его, можетъ повести къ гибели... Это настолько вѣрно, что никакія соображенія о пользѣ или выгодѣ для отдѣльныхъ лицъ или категорій гражданъ, вытекающія изъ безправія однихъ по отношенію къ другимъ, не могутъ оправдать существованія умаленія человѣческихъ правъ кого бы то ни было, особенно за то, что онъ родился отъ тѣхъ или иныхъ родителей, въ той или другой средѣ. Это азбука справедливости, и не признающіе ея пусть знаютъ, что они понятія не имѣютъ о самой справедливости.

Ни евреи не лучше насъ, ни мы не лучше ихъ, а всѣ мы люди и, какъ таковые, должны быть равны передъ безстрастнымъ и нелицепріятнымъ закономъ, опредѣляющимъ наши, одинаковыя для всѣхъ, права и обязанности въ государствѣ и обществѣ. А добрые и злые, хорошіе и дурные, повторяю, есть вездѣ. Не больше и не меньше среди насъ, чѣмъ среди нихъ. Поэтому будемте стремиться къ осуществленію справедливости на землѣ и вѣрить въ конечное торжество правды, а остальное приложится: безъ такой вѣры жить тяжело...

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ ВЪ РОССІИ И ЕВРЕИ.

Долженъ ли быть всякій законъ справедливымъ, т.-е. нелицепріятнымъ и логичнымъ? Двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ, конечно, быть не можетъ. Должны ли одинаковые документы, выдаваемые законными представителями государственной власти, имѣть одинаговую силу, кому бы они ни выдавались? И на этотъ вопросъ можно отвѣтить только утвердительно. Такъ и у насъ, въ Россіи, отвѣчаютъ на поставленные вопросы, болѣе или менѣе послѣдовательно, пока... дѣло не коснется еврея.

Въ области народнаго образованія еврейскій мальчикъ встрѣчается съ первою, явною для него и для всякаго непредубѣжденнаго человѣка, несправедливостію при попыткѣ попасть въ гимназію или реальное училище: онъ можетъ получить на конкурсномъ экзаменѣ четыре съ половиною или даже «пятерку» въ среднемъ, и не попасть въ учебное заведеніе, тогда какъ его юные конкуренты, будь они христіанами любого исповѣданія, мусульманами, буддистами и тому подобное, поступаютъ въ него, получивъ хотя бы «тройку».

Послѣ 7—8 лѣтъ добросовѣстныхъ, иногда даже непосильныхъ занятій, онъ получаетъ такой же аттестатъ, какъ его товарищи—не-евреи. И тутъ ему приходится встрѣтиться со второю несправедливостію: тогда какъ для его товарищей ихъ аттестаты даютъ неотъемлемое право поступить въ университетъ безъ экзамена, или въ специальное заведеніе по выдержаніи конкурснаго экзамена, для него, еврея, тотъ же аттестатъ является лотерейнымъ билетомъ, на который можетъ, при счастьѣ, упасть выигрышъ, въ видѣ поступленія его обладателя въ высшее учебное заведеніе. Выигрышъ

этотъ зависитъ отчасти отъ числа его товарищей не-евреевъ, воспользовавшихся правами, даруемыми ихъ аттестатами, такъ какъ «процентная норма» здаетъ возможность поступить въ учебное заведеніе тому или иному числу евреевъ въ прямой зависимости отъ числа юношей не-евреевъ, поступившихъ и обучающихся въ немъ. Не надо притомъ забывать, что цѣлый рядъ учебныхъ заведеній, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, совсѣмъ закрытъ для евреевъ, отвлекая многочисленный контингентъ окончившихъ среднія заведенія и тѣмъ уменьшая еще больше шансы евреевъ попасть въ высшую школу. Достаточно указать на военныя училища, которыя въ тяжелое, переживаемое нами, время естественно привлекутъ массу юношей, въ другое время поступившихъ бы въ университетъ или въ техническіе институты.

Не надо забывать, что при этой «скачкѣ съ препятствіями», къ которой приглашаются у насъ юные евреи, стремящіеся къ образованію, призомъ является весьма цѣнное право жительства внѣ опредѣленной черты, право, которымъ обладаютъ въ Россіи всѣ, кромѣ евреевъ, не получившихъ высшаго образованія.

При всей несправедливости общей конструкціи допущенія евреевъ къ образованію, до управленія министерствомъ Кассо существовало одно правило, смягчавшее, логически недопустимую, случайность въ дѣлѣ приема евреевъ въ высшія учебныя заведенія: существовалъ конкурсъ еврейскихъ аттестатовъ, и еврей, окончившій гимназію съ медалью и ни въ чемъ предосудительномъ не замѣченный, имѣлъ преимущество передъ своими товарищами-евреями, учившимися хуже его. Въ этомъ заключался хотя бы намекъ на справедливость по отношенію къ человѣку, приложившему личныя усилія въ дѣлѣ улучшенія своей участи.

Министръ-юристъ нашелъ нужнымъ замѣнить конкурсъ аттестатовъ жеребьевкою, лишивъ аттестатъ зрѣлости, выдаваемый еврею, остатка смысла его содержанія и подчеркнувъ его значеніе простого лотерейнаго билета.

Въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго про-

свѣщенія и нѣкоторыхъ другихъ «скачка съ препятствіями» можетъ быть избѣгнута опредѣленнымъ способомъ: отреченіемъ отъ вѣры своихъ отцовъ, вѣроятно, признаваемой хуже всѣхъ другихъ вѣръ, такъ какъ умаленіе правъ за исповѣданіе какой-либо вѣры юридически мыслимо только въ случаѣ признанія этой вѣры зловредною или зловреднѣе другихъ вѣроисповѣданій, не влекущихъ за собою подобныхъ ограниченій.

Отрицательное отношеніе къ евреямъ за ихъ вѣроисповѣданіе, отреченіе отъ котораго поощряется дарованіемъ правъ и устраненіемъ стѣсненій, между прочимъ, и въ области просвѣщенія, не является общепризнаннымъ въ Россіи принципомъ: въ военно-педагогическомъ вѣдомствѣ играетъ роль уже не вѣра, а происхожденіе. Не странно ли, что въ Военно-Медицинскую академію не принимаются лица, относительно которыхъ есть подозрѣніе, что дѣдъ или бабка, а, можетъ быть, и прабабка его (конечно, законные, такъ какъ о незаконной примѣси «проклятой» крови слѣдствіе произвести мудро) исповѣдовали еврейскую вѣру? Не странно-ли, что въ мирное время еврей не можетъ учиться медицинѣ въ Военно-Медицинской академіи, а въ военное время, для котораго, главнымъ образомъ (хотя, конечно, не исключительно), должна бы готовить академія, въ отличіе отъ медицинскихъ факультетовъ, всѣ врачи-евреи призываются на военную службу, при чемъ число ихъ на фронтѣ, навѣрно, не менѣе числа бывшихъ питомцевъ академіи?

Знаютъ ли изобрѣтатели упомянутаго правила, сколько чисто семитической крови вообще течетъ въ жилахъ современныхъ евреевъ? Увѣренъ, что нѣтъ, и что они и не думали задавать себѣ этого вопроса...

Могло бы показаться, что нашихъ законодателей пугаетъ именно семитическая кровь, а что вѣроисповѣданіе является въ ихъ глазахъ только внѣшнимъ неопровержимымъ признакомъ присутствія этой крови. Но какъ тогда объяснить права, предоставляемыя караймамъ, считаемымъ, вѣдь, тоже чистыми семитами?

Нахожу ненужнымъ отвѣчать на эти вопросы, хотя отвѣтъ для меня ясенъ, и закончу свою статью указаніемъ на другой вопросъ, ближе касающійся ея основного содержания.

Каково педагогическое значеніе ограниченія правъ евреевъ въ школахъ? Какой отголосокъ во впечатлительномъ умѣ мальчика или юноши должно имѣть ограниченіе въ правахъ товарища за то, что онъ—еврей? Вѣдь, ясно, что это ограниченіе должно быть признаваемо или нормальнымъ, или ненормальнымъ. Въ первомъ случаѣ это явленіе должно развивать антисемитизмъ, нетерпимость; во второмъ—убѣжденіе въ несправедливости государства. Желательно ли то или другое въ педагогическомъ отношеніи? Или правительство боится еврейскаго вліянія въ школахъ? Не есть ли это *testimonium pauper-tatis*, выданное русской школахъ, которая не сама вліяетъ, а боится вліянія учениковъ? Или школа отказывается отъ дѣла воспитанія? И почему 10 проц. евреевъ вредны, а 5 проц.—безвредны? Затѣмъ, вѣдь, можетъ случиться, что въ одномъ классѣ одной школы евреевъ 10 проц., а въ другомъ—2. Какъ тогда бороться съ «вреднымъ вліяніемъ»? Съ какой стороны ни смотрѣть, ограниченіе правъ евреевъ въ школахъ, съ педагогической точки зрѣнія, въ лучшемъ случаѣ, никуда негодная, а въ худшемъ—вредная для всѣхъ вещь.

Въ Англіи, во Франціи, въ Италіи школа націонализуетъ своихъ евреевъ: то же, конечно, дѣлаетъ и русская школа, и сдѣлаетъ это еще основательнѣе, когда евреи перестанутъ быть въ ней «изгоями». Россія теряетъ, въ лицѣ многихъ, непопавшихъ въ русскую школу евреевъ, помезныхъ слугъ и работниковъ на нивѣ своей національной культуры.
